

ВОЛЧИЦА И ОХОТНИК

Ава Райд

Захватывающая, полная волшебных
поворотов история.

ШЕННОН А. ЧАКРАБОРТИ

New adult. Магические миры

Ава Райд

Волчица и Охотник

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Райд А.

Волчица и Охотник / А. Райд — «Эксмо», 2021 — (New adult.
Магические миры)

ISBN 978-5-04-188569-4

В колдовском лесу Эзер Сем сокрыта деревня тех, кто не склонился перед властью деспотичного короля и новой веры, насаждаемой огнём и мечом. Сила язычников велика, и лишь юная Ивике лишена колдовского дара. Она — изгой, отвергнутый богами. И её отдают Охотникам: воинам из священного ордена, что явились за кровавой жертвой. Ритуал должен свершиться в столице, но на обратном пути Охотники встречают чудовищ. В живых остаются только Ивике и капитан Гашпар: одноглазый, суровый, холодный опальный принц. Он должен выбраться из леса, чтобы остановить фанатичного брата. Ведь тот жаждет захватить трон — и истребить всех язычников под корень. Ивике и Гашпар заключают шаткий союз. Их взаимная ненависть перерастает в привязанность: обоим слишком хорошо известно, что значит быть изгоями. Но смогут ли они пронести свою симпатию сквозь долгое путешествие и пламя религиозной войны? Мощное фэнтези о религиозных войнах с нотками дарка и продуманным миром, основанным на венгерской мифологии. Для поклонников Шеннон Чакраборти, Наоми Новик и Кэтрин Арден В этой истории в мрачных лесах обитают чудовища, но самые чудовищные поступки совершаются руками людей. Захватывающая динамика взаимоотношений героев, напоминающие динамику между Джоном Сноу и Игритт из «Игры Престолов» или Кайло Реном и Рей из «Звёздных войн». Образный язык, приключения, героизм и два изгоя, которые находят не только друг друга, но и самих себя.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-188569-4

© Райд А., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	17
Глава третья	23
Глава четвёртая	32
Глава пятая	41
Глава шестая	47
Глава седьмая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Ава Райд

Волчица и Охотник

Ava Reid
The Wolf and the Woodsman

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2021 by Ava Reid

This edition is published by arrangement with Sterling Lord Literistic, Inc. and The Van Lear Agency LLC

© А. Сешт, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

* * *

Глава первая

Должно быть, деревья связаны с закатом. Когда приходят Охотники, они всегда пытаются сбежать.

Девушки, опытные ковательницы, изготавливают железные колышки и вбивают их в корни, в землю, чтобы закрепить на месте. Из нас двоих никто не обладает даромковки, и мы с Борокой тянем длинную верёвку, запутывая все деревья на нашем пути неуклюжими петлями и узлами. Когда мы заканчиваем, это сплетение похоже на паутину какого-то гигантского существа, что-то такое, что мог бы породить лес. Эта мысль вызывает у меня дрожь. Что бы ни прорвалось сквозь границу деревьев, оно не будет хуже Охотников.

– Как думаешь, кто это будет? – спрашивает Борока.

Свет заходящего солнца струится сквозь заплатанный купол древесного покрова, покрывая её лицо пятнами. В уголках её глаз прячутся жемчужинки слёз.

– Вираг, – отвечаю я. – Если повезёт.

Губы Бороки изогнулись.

– Хотя, думаю, на полпути Охотники устанут от её болтовни о погодных знамениях да и сбросят в Чёрное Озеро.

– Ты же не всерьёз это.

Конечно, не всерьёз. Никому я не пожелаю столкнуться с Охотниками, сколько бы меня ни порол, как бы жестоко ни ругали, сколько бы часов я ни выковыривала холодный гуляш из вчерашних кастрюль. Но проще было не любить Вираг, чем волноваться о том, что я могу потерять её.

Ветер усиливается, донося до нас голоса других девушек – серебристый звон, совсем как у костяных колокольчиков, висящих у хижины Вираг. Они поют, чтобы усилить свой дарковки, как это делал великий герой Вильмёттен, когда создавал меч богов. А когда песня затихает, стихает и звон их стали. Почти не осознавая, ядвигаюсь к ним, чувствую, как качнулись лук и колчан со стрелами у меня за спиной. Вместо того чтобы слушать их слова, я смотрю на их руки.

Они потирают ладони, сначала осторожно, потом всё более яростно, словно собираются содрать с себя кожу. К тому времени, как песня заканчивается, в руках у каждой девушки – небольшой железный кол, такой же гладкий и крепкий, как те, что могли бы выйти из пылающего кузнечного горна. Борока замечает мой взгляд... замечает мою тоску оставленности, которую видела у меня на лице уже сотни раз. Шепчет:

– Не обращай на них внимания.

Ей-то легко говорить. Если бы бог-отец Иштен прямо сейчас обратил бы свой улыбающийся лик к лесам, то увидел бы вылинявшую серую и желтовато-коричневую радугу, размазанную по зелёным зарослям ежевики. Их волчьи плащи мерцают даже в угасающем солнечном свете, и отдельные волоски кажутся почти прозрачными. Зубы мёртвых животных, всё ещё полностью целые, образуют арку над головой каждой девушки, словно зверь собирается их съесть. Волчий плащ Бороки – цвета белёной охры, цвета целительницы.

Но если бы Иштен посмотрел на меня, то увидел бы плащ из простой шерсти, тонкий, небрежно мною залатанный. Я всегда чувствую унижительную тяжесть этого плаща, словно облачена в собственную неполноценность. Поворачиваюсь к Бороке, чтобы ответить, но тут же слышу за спиной приглушённое хихиканье, и в нос ударяет запах чего-то горелого.

Резко разворачиваюсь; мои волосы охватывает голубое пламя. Едва сдерживаю крик. Мои бессильные руки взлетают вверх потушить огонь. Всё, что они хотят от меня, – распахнутые от ужаса глаза, – и они это получают. Огонь гаснет прежде, чем я успеваю осознать это, и я быстро направляюсь к Котолу и её прислужницам.

– Мне ужасно жаль, Ивике, – говорит Котолин. – Дар творения огня трудно освоить. Должно быть, у меня рука соскользнула.

– Как жаль, что даже столь простой дар тебе так трудно освоить, – огрызаюсь я.

Мой ответ вызывает лишь новый взрыв смеха. Капюшон Котолин натянут на голову, волчья пасть искривлена в уродливом оскале, глаза – стеклянные, слепые. Её плащ точно такого же цвета, как и её волосы, – белый, словно брюхо карпа, или, если говорить мягче, – как первый зимний снег. Это цвет видящей.

Мне хочется сорвать её белоснежный плащ, заставить её смотреть, как я тащу его по грязному руслу реки. Крохотная немая часть меня хочет набросить этот плащ на плечи, но я знаю, что буду чувствовать себя просто обманщицей.

– Может, и так, – отвечает Котолин, пожимая плечами. – А может, другая девушка будет творить для меня огонь, как только я стану *тальтош* нашего селения.

– Вираг пока не умерла.

– Но, конечно, тебе я этого не поручу, Ивике, – продолжает Котолин, проигнорировав мои слова. – Это должен быть кто-то, способный зажечь больше, чем просто искорку.

– И исцелить больше, чем просто занозу, – добавляет Ихрис, одна из самодовольных членов её стаи.

– Или выковать хотя бы швейную иглу, – говорит Жофия, другая девушка из стаи.

– Оставьте её в покое, – заявляет Борока. – Никто из вас не должен быть таким жестоким, особенно в День Охотника.

Честно говоря, они не более жестоки, чем обычно. И, конечно же, они правы, но я никогда не доставлю им такого удовольствия – не признаю и даже не вздрогну, пока они будут перечислять мои неудачи.

– Но Ивике-то в День Охотника беспокоиться не о чем, правда же? – ухмылка Котолин, белозубая, злорадная – совершенное отражение волчьего оскала на её капюшоне. – Охотники забирают только девушек, наделённых магией. Жаль, что ни один из даров её матери ей самой не передался, иначе мы могли бы избавиться от неё раз и навсегда.

Слово «мать» обжигает сильнее синего пламени.

– Ты бы заткнулась.

Котолин улыбается, но, по крайней мере, молчит.

Если как следует подумать, мне её почти жаль. В конце концов, её белый плащ дарится, а не заслуживается – и я знаю, насколько отвратительными могут быть проявления дара видящей. Но я не желаю проявлять к ней какую-либо жалость, учитывая, что сама она мне никогда не сочувствовала.

Борока кладёт руку мне на плечо. Её хватка поддерживает и вместе с тем сдерживает. Я напрягаюсь под её касанием, но не подаюсь ближе к Котолин. И её глаза, бледные, как река подо льдом, сверкают от осознания окончательной победы. Она разворачивается и уходит, плащ развеивается за ней. Ихрис и Жофия следуют за ней.

Дрожащими руками я тянусь к луку за спиной.

Остальные девушки проводят дни, оттачивая свою магию и практикуясь в фехтовании. Некоторые обладают всеми тремя дарами. Некоторые, как Борока, освоили только один дар, зато невероятно хорошо. В ковке и в сотворении огня она так же бесполезна, как я, зато лучше всех в селении умеет исцелять. Но во мне нет ни единого проблеска божественной магии, и я вынуждена охотиться вместе с мужчинами, которые всегда наблюдают за мной с неловкостью и подозрением. Моя жизнь не была лёгкой, но зато я стала исключительным стрелком.

Но это ничего не меняет, не исправляет того факта, что я – бесплодна, единственная девушка в Кехси, нашем селении, у которой нет никаких талантов ни к одному из даров. Никаких благословений Иштена. Все перешёптываются у меня за спиной, и у каждого есть свои

предположения о том, почему боги обошли меня стороной, почему их магия не влилась в мою кровь, не высечена по белизне моих костей. Я больше не желаю слышать этого.

– Не надо, – просит Борока. – Ты только сделаешь всё хуже...

Мне хочется рассмеяться, спросить её, куда уж хуже... что они в самом деле – ударят меня? Поцарапают? Обожгут?

Всё это они уже делали, и ещё многое другое. Однажды я совершила ошибку, смахнула одну из колбасок Котолин с праздничного стола. Без колебаний и угрызений совести она направила на меня завесу пламени. После этого я целый месяц угрюмо обходила селение, ни с кем не говоря, пока у меня снова не отросли брови.

На левой брови у меня до сих пор осталась крохотная проплешина, покрытая рубцовой тканью.

Накладываю стрелу на тетиву и натягиваю лук. Котолин – идеальная цель, невероятная снежная гора в золотисто-зелёной дымке позднего лета, такая яркая, что аж в глазах щиплет.

Борока издаёт ещё один сдавленный возглас протеста, но я пускаю стрелу. Та проносится мимо Котолин, взьерошив белый мех её волчьего плаща, и скрывается в чёрных зарослях терновника. Котолин не кричит, но я вижу, как на её лице отражается неприкрытая паника, прежде чем страх превращается в возмущение и гнев. Вот и всё, этим мне и придётся удовлетвориться – но всё же лучше, чем ничего.

И тут Котолин бросается ко мне, покрасневшая, разъярённая под своим волчьим капюшоном. Я крепко удерживаю лук одной рукой, а другой лезу в карман плаща, ища свернувшуюся там косу. Волосы матери тёплые и под пальцами кажутся шёлковыми, хоть и были отделены от её тела больше пятнадцати лет назад.

Прежде чем Котолин успевает приблизиться, по лесу разносится голос Вираг – такой громкий, что спугивает птиц из гнёзд.

– Ивике! Котолин! Сюда!

Губы Бороки сжимаются в тонкую линию.

– Похоже, ты заслужила порку.

– Или ещё что похуже. – Желудок сжимается при одной мысли. – Она прочтёт мне мораль с очередным своим сказанием.

А может, и то и другое. В Дни Охотника Вираг особенно злобная.

Котолин проносится мимо меня, приложив ненужную силу – наши плечи болезненно сталкиваются. Я не реагирую на это пренебрежение, потому что Вираг наблюдает за нами обеими своим ястребиным взглядом, и венка на лбу старухи пульсирует особенно сильно. Борока берёт меня за руку, мы выбираемся из леса и направляемся к Кехси вдалеке. Деревянные хижины с тростниковыми крышами похожи на чёрные отпечатки пальцев на фоне заката. Позади нас лес Эзер Сем издаёт свои привычные звуки – что-то, похожее на громкий выдох, а потом – звук, словно кто-то пытается отдышаться, вынырнув из-под толщи воды. Эзер Сем едва ли похож на другие леса Ригорзага. Он больше, чем все они, вместе взятые, и в его чащобе бьётся сердце. Деревья обычно могут выпростать свои корни, когда чувствуют опасность или даже когда кто-то слишком сильно треплет их ветки. Одна девушка как-то случайно подожгла деревце, и целая роща вязов ушла в знак протеста, оставив селение беззащитным перед ветрами и Охотниками.

И всё же мы любим наш капризный лес, в том числе и потому, что он защищает нас. Если больше десятка мужчин одновременно попытаются прорубить себе путь, деревья не просто уйдут – намного хуже. Мы принимаем меры предосторожности только для наших самых трусливых дубов и самых робких тополей.

Когда мы приближаемся, я вижу, что Кехси полон света и звуков, как и всегда на закате. Однако теперь у этого другой оттенок, в котором есть что-то неистовое. Группа юношей собрала наших тощих коней, до блеска вычистила им шерсть и заплела гривы, как у скакунов

Охотников. Наши кони не такие родовитые, как королевские, но чистить их легко. Юноши опускают взгляды, когда я прохожу мимо, и даже их кони смотрят на меня со звериным подозрением. Горло у меня сжимается.

Некоторые девушки и женщины полируют свои клинки, тихонько напевая. Другие бегают за детьми, проверяя, нет ли у них на туниках пятен, а на кожаных сапожках – дырок. Мы не можем позволить себе выглядеть голодными, слабыми или напуганными. До меня доносится запах гуляша из чьего-то горшка, и желудок тоскливо сжимается. Мы не будем есть, пока Охотники не уйдут.

Пока не станет на один голодный рот меньше.

Слева возвышается старая хижина моей матери, похожая на массивный могильный камень, тихий и холодный. Сейчас там живёт другая женщина с двумя детьми, ютящимися у того же очага, где когда-то ютилась моя мать со мной. Так же они слушают, как дождь стучит по тростниковой крыше, когда летние бури ревут среди ветвей, и так же считают удары между раскатами грома. Я помню особенный изгиб маминой щеки, когда молнии прорезали небо и вспышки озарили её.

Это – старая хижина, но она словно то и дело вскрывающаяся болящая рана. Я снова касаюсь маминой косы, пробегаю по ней пальцами вверх-вниз. Её контуры – как холмы и долины Сарвашвара. Борока крепче сжимает мою руку и тянет меня следом.

Когда мы подходим к хижине Вираг, Борока подаётся вперёд и обнимает меня. Я обнимаю подругу в ответ, чувствую под ладонями шерсть её волчьего плаща.

– Увидимся позже, – говорит она. – На пиру.

Голос у неё тихий, напряжённый. Мне нечего бояться – меня не заберут, – но это не значит, что так легко смотреть на Охотников. Мы все молча считали, строили предположения... Сколько девушек? Каковы шансы, что Охотник приметит твою мать или сестру, дочь или подругу? Может, мне в самом деле повезло – мне терять почти нечего.

И всё же, так хочется сказать Бороке, как же я чертовски рада, что у меня есть хоть одна подруга. Она ведь могла бы держаться подле Котолин – ещё одно жестокое безликое тело в волчьем плаще, бросающее колючие слова. Но при этой мысли я чувствую себя маленькой и жалкой, словно собака, вынюхивающая землю в поисках упавшей еды. Вместо этого я сжимаю руку Бороки и смотрю ей вслед, чувствуя, как в груди стало тесно.

Хижина Вираг стоит на окраине селения, достаточно близко, чтобы лес мог протянуть руку и коснуться её кончиками узловатых пальцев. Деревянные стены хижины изъедены термитами и покрыты коркой лишайника, а тростниковая крыша – хлипкая, древняя. Дым валит из дверного проёма густыми серыми облаками, и от этого у меня слезятся глаза. Её костяные колокольчики яростно звенят, когда я переступаю порог, но я слишком невнимательно слушала её истории, чтобы понять, доброе это предзнаменование или дурное. Весть от Иштена или предупреждение от Эрдега. В любом случае я никогда не была уверена, что кто-либо из них смотрит на меня с благосклонностью.

Котолин уже внутри, сидит, скрестив ноги, рядом с Вираг. Жарко горит очаг, и комната полна плотного древесного дыма. Мой соломенный матрац втиснут в углу, и мне противно, что Котолин видит его, эту небольшую постыдную вещь, которая принадлежит мне, и только мне. Травы, украшающие деревянные полки Вираг, я собирала сама, ползая на животе по лесной подстилке и проклиная её с каждым вздохом. Сейчас Вираг манит меня к себе, сжимая все шесть пальцев своей иссохшей руки.

В отличие от других девочек, видящие помечены с рождения – белые волосы или лишние пальцы, или ещё какая-нибудь странность. У Вираг даже есть дополнительный ряд зубов, острых, как иглы, воткнутых в её дёсны, словно галька в грязном русле реки. Котолин, конечно, удалось избежать этих унижений.

– Подойди, Ивике, – говорит Вираг. – Мне нужно заплести волосы для церемонии.

Сам факт, что она называет это *церемонией*, заставляет меня вспыхнуть от гнева. С тем же успехом она бы могла назвать это погребальным обрядом. И всё же я прикусываю язык и сажусь рядом с ней, перебираю пальцами спутанные пряди её волос, побелевшие от силы и вечности. Вираг почти такая же старая, как сам Кехси.

– Напомнить вам, зачем приходят Охотники? – спрашивает Вираг.

– Я хорошо знаю эту историю, – скромно отвечает Котоллин, и я бросаю на неё хмурый взгляд. – Мы слышали её уже раз сто.

– Тогда услышите в сто первый, дабы не забыть, почему Кехси стоит, одинокий и незапятнанный, в королевстве, поклоняющемся новому богу.

Вираг питает слабость к нездоровому драматизму. По правде говоря, Кехси – одно из горстки небольших селений, разбросанных по всему Эзер Сему, полосе почти непроходимого леса, отделяющей нас от наших сестёр и братьев. Однако Кехси лежит ближе всего к опушке леса, и потому лишь мы несём бремя Охотников. Я завязываю косы Вираг полоской кожи, подавив желание поправить её.

Я могла бы процитировать всю её историю на память, с теми же паузами и интонациями, с той же мрачной торжественностью в голосе. Больше века назад все в Ригорзаге поклонялись нашим богам. Иштену, богу небес, сотворившему полмира. Хадак Уре, направлявшему руку каждого воина в смертоносном ударе. И Эрдегу, богу Подземного Мира, которого мы неохотно признаём создателем более неприятной половины мира.

А потом появилась Патрифидия, которую принесли солдаты и святые мужи, шедшие на север от полуострова Веспасиан. Мы рассказываем об этом как о болезни, и этим недугом король Иштван был поражён сильнее прочих. Подстёгиваемый своей зарождающейся фанатичной преданностью, он распространил Патрифидию по всем четырём регионам Ригорзага, убивая любого мужчину, любую женщину, которые отказывались поклоняться Принцепатрию. Последователи старых богов, которых теперь называли новым насмешливым прозвищем «язычники», бежали в лес Эзер Сем, построив небольшие селения, где они надеялись сохранить свою веру в мире, вооружённые магией древних богов.

– Пожалуйста, Вираг, – прошу я. – Не заставляй меня снова это слушать.

– Тише, – упрекает она. – Имей терпение великого героя Вильмёттена, когда он плыл вдоль длинного потока на Крайний Север.

– Да, тише, Ивике, – злорадно осекает меня Котоллин. – Некоторых из нас очень волнует история нашего народа. *Моего* народа...

Вираг обжигает её взглядом, заставляя замолчать прежде, чем я брошусь на неё и покажу, как сильно могу ей навредить, с магией или без. Почти невольно моя рука скользит в другой карман плаща, и кончиками пальцев нащупываю рифлёные края золотой монеты, спрятанной внутри. В этот краткий миг я по-настоящему люблю Вираг, несмотря на все шрамы от её порок, оставшиеся у меня на бёдрах.

– Сегодня никаких ссор, – говорит она. – Не будем делать за наших врагов их работу.

Потом она улыбается, обнажив блеснувшие в свете пламени дополнительные клыки, и дым поднимается вокруг неё тёмными облаками, словно струится прямо из её черепа. Её рот складывается, чтобы произнести слова, но Вираг не издаёт ни звука – глаза у неё вдруг закатываются, и она падает. Только что заплетённые волосы выскальзывают из моих рук, словно вода.

Котоллин бросается к ней, но уже слишком поздно. Вираг корчится на полу; шея изогнута под странным углом, словно невидимая рука скручивает её позвонки. Грудь вздымается в рвальных судорогах, она вдыхает грязь. То, как Вираг получает свои видения, выглядит, словно кого-то хоронят заживо, и земля уже смыкается над головой, а лёгкие наполняются ею, но он всё ещё борется. Котоллин подавляет всхлип.

Я знаю, о чём она думает: «Это могла бы быть я». Видения приходят без предупреждения, безжалостно. Сейчас я чувствую лёгкий укол жалости, когда обхватываю руками голову Вираг.

Её глаза закрылись. Дрожь прекращается, и она лежит неподвижно, словно труп. Седые волосы слиплись от грязи. Когда она снова открывает глаза – те, к счастью, снова благоговенно голубые. Облегчение захлёстывает меня, но тут же откатывается. Вираг отталкивается от земли, хватая Котолин за плечи, вцепившись в мех её волчьего плаща всеми своими двенадцатью пальцами.

– Охотники, – судорожно выдыхает Вираг. – Они идут за тобой.

То ли смех, то ли возглас прожигает дыру в моей гортани. Котолин застыла, словно связанные нами деревья, беспомощно вросла в землю. Рот у неё слегка приоткрыт. Не думаю, что она успела осознать в полной мере. Она застыла в ловушке холодного мгновения, прежде чем ощутила лезвие между лопатками.

Но Вираг не застыла. Она поднимается, всё ещё содрогаясь от последствий своего видения. Что бы она там ни увидела, это вызывает у неё дрожь, но черты её лица отражают глубочайшую решимость. Она шагает по хижине туда-сюда, от заросшей мхом двери к мерцающему очагу, а её взгляд устремлён куда-то вдаль. Но когда Вираг снова смотрит на нас с Котолин, она произносит:

– Снимай плащ.

Я смотрю на свой шерстяной плащ, хмурясь, но Вираг смотрит не на меня.

– Мой плащ? – Котолин вцепляется в ворот, у самой открытой пасти волка, замершей в бессмертном вое.

– Да. И приведи ковальницу.

Вираг уже перебирает снадобья и зелья на полке. Рассеянно кивнув, Котолин выбегает из хижины, сбросив свой красивый белый плащ, лужицей растёкшийся на грязном полу. Его вид выводит меня из оцепенения. Хватаю его и прижимаю к щеке, но он кажется неправильным – пустым и бестелесным, словно призрак. Во рту у меня привкус металла.

– Вираг, что ты собираешься делать?

– Охотники хотят получить видящую, – отвечает она, не поднимая взгляда. – Кехси не может позволить себе отдать видящую.

У меня нет времени удивляться её словам – Котолин врывается в хижину. Жофия следует за ней по пятам. Когда она видит меня, держащую в руках волчий плащ, то надменно втягивает воздух, раздувая ноздри. Хочется верить, что Котолин привела Жофию только назло мне, но ведь та действительно одна из лучших ковальниц в селении.

– Ты, наверное, знала, всё это время, – жалобно говорит Котолин. – Знала, что им нужна видящая.

– Я подозревала, – признаёт Вираг. – Но не могла сказать со всей уверенностью. Я также думала, что они могут погибнуть по пути сюда. Думала, что король решит иначе. Но видение есть видение. Теперь у нас мало времени.

Открываю рот, чтобы сказать хоть что-то, что угодно, но пальцы Вираг неловко взъерошивают мои волосы, разглаживая узлы и колтуны. Издаю слабый возглас протеста. Нутро сжимается в панике.

Вираг открывает маленький фиал и выливает содержимое себе в ладони. Оно похоже на белую пыль и пахнет приторно-сладко. Вираг втирает смесь мне в волосы, словно месит тесто для жареных лепёшек.

– Толчёная асфodelь, – говорит она. – Сделает твои волосы белыми.

– Не думаешь же ты, что Охотников обманет немного краски, – усмехается Жофия.

Мне в живот словно всадили нож.

– Вираг...

Но она не произносит ни слова. Вместо этого видящая поворачивается к Жофии.

– Охотники не ожидают увидеть Котолин, – говорит она. – Они хотят увидеть просто видящую. И всё же тебе придётся выковать немного серебра.

С глубоким скорбным вздохом Жофия наклоняется и начинает петь – слишком тихо, чтобы я могла разобрать слова. Зато мелодию я узнаю сразу – это песнь Вильмёттена. Прежде чем совершить свои великие деяния и заключить сделки с богами, Вильмёттен был бардом, скитающимся по городам с кантеле¹ за спиной, в надежде заработать на хлеб и вино. Эта часть истории всегда нравилась мне больше всего – та часть, где герой был просто человеком.

Та самая песнь, которую мама пела мне, когда мы прятались в безопасности в нашей хижине, а в чёрном летнем небе бесновались гром и молнии. До того, как я вынуждена была стать подопечной Вираг.

До того, как Охотники забрали у меня мать.

Лишь однажды я испытала такой страх. И сейчас он настиг меня вспышками, глубоко похороненными воспоминаниями. Мамина рука, выскальзывающая из моей ладони. Тусклое мерцание её серого плаща, когда она скрылась в лесу. Прядь волос, которую она вложила мне в ладонь, прежде чем покинула меня навсегда.

Я хочу вскрикнуть, но крик замер где-то в груди, вырвавшись лишь едва оформленным всхлипыванием.

Уже неважно, что я плачу прямо на глазах у Котолин и Жофии. Неважно, что Вираг может выпороть меня. Неважно, что в этот самый миг я сама вручаю им подтверждение, какая я на самом деле трусиха. Всё, что я вижу, – это мамино лицо, размытое в пятнадцатилетних воспоминаниях, отдаляющееся, тающее, тающее...

Вираг берёт меня за подбородок. Сквозь слёзы вижу, как плотно сжаты её губы, как суров её взгляд.

– Послушай, – резко говорит она. – Все мы должны сделать всё возможное, чтобы сохранить наше племя живым. Мы не можем позволить королю заполучить силу видящей. Ты понимаешь?

– Нет, – сдавленно отвечаю я, чувствуя, как сжимается горло. – Я не понимаю, почему ты хочешь послать меня на верную смерть.

Вираг, резко вздохнув, отпускает меня, признавая поражение. Но уже в следующий миг она суёт мне небольшой кусочек полированного металла. Вглядываюсь в своё отражение, немного искажённое изгибами кованого зеркала. Лицо Котолин парит рядом с моим – две полярные звезды в темноте хижины. Наши волосы блестят, как свежая изморозь. Мои не совсем белые, скорее – грязно-серые, закопчённые, как жидкая сталь.

Возможно, этого достаточно, чтобы провести Охотника, но на этом наше сходство заканчивается. Я невысокая, с крепкими руками и ногами, а Котолин похожа на гибкую иву – узкие гордо расправленные плечи, тонкое тело, длинные пальцы и хрупкие кости запястий. Кожа у неё молочно-белая, и видны голубоватые вены – словно перепончатый лист, сквозь который видно солнечный свет. А мои волосы – были – рыжевато-каштановые, словно рыжина маминой гривы была процежена, как вода, и передана мне. Мутно-зелёные глаза, маленький хмурый рот. Щёки и нос у меня постоянно розовые, а на подбородке – целая сетка шрамов, словно щетина, потому что я постоянно бегаю в чаще.

Я ожидаю увидеть, что она злорадствует, светится от радости. Но красивое лицо Котолин отражает такой же ужас, как и моё. Лишь в этот миг мы стали совершенным зеркальным отражением друг друга.

«Лгуныя, – хочу сказать я. – Всего час назад ты хотела, чтоб меня забрали».

Протягиваю руку, чтобы коснуться спрятанной в левом кармане косы, но сейчас это не приносит мне утешения.

– Ивике.

---

¹ Кантеле – струнный щипковый инструмент, традиционный у финно-угров и карелов. (Здесь и далее – прим. пер.)

Голос Котоллин такой тихий, приглушённый. Никогда не слышала его таким. Я смотрю на неё в зеркало, но не оборачиваюсь.

– Ивике, я не хотела...

– Ещё как хотела, – стиснув зубы, отвечаю я. – Или же ты лжёшь. Что же хуже – лгунья или чудовище?

Она не отвечает. Я ожидаю, что Вираг снова меня отругает, но даже она сейчас молчит. Пение Жофии стихло, последняя нота мелодии так и не отзвучала. И в тихом пространстве незавершённой песни я слышу его – стук копыт по земле.

Жители селения выстроились аккуратными рядами, распрямив спины, вскинув головы, глядя в жерло чащобы. Впереди – женщины и девочки, позади – мужчины и мальчики. Все клинки убраны в ножны, все стрелы – в колчанах. Вечер, наполненный комариным звоном, окутывает нас тяжёлым полотном. Вираг проводит меня сквозь самое сердце толпы, раздвигая девушек в чистых плащах. У женщин и девочек по два лица – волчье и их собственное. Их человеческие лица покрыты масками стойкости и безмолвия, и даже самые младшие знают, что нельзя дрогнуть. Но когда я прохожу мимо них, их губы поджимаются, а глаза расширяются. Борока тихо ахает, но тут же прикрывает рот ладонью. Я едва нахожу в себе силы взглянуть на неё.

А потом могу смотреть только на Охотников.

Они выступают вперёд, проходят сквозь наши запуганные обездвиженные деревья. Их четверо, верхом на обсидианово-чёрных конях, у каждого на груди – знак их священного ордена. Каждый Охотник носит доломан² из искусно расшитого шёлка, а поверх него – чёрный шаубе, такой же лохматый шерстяной плащ, который любят пастухи Малой Степи. Мне почти хочется рассмеяться, когда представляю Охотников как скромных пастухов. Они не носят мечей, но на поясе у каждого висит огромный стальной топор, такой тяжёлый, что кажется чудом, как они не сваливаются набок со своих лошадей.

Что почувствовала мама, когда увидела зловещий блеск этих топоров?

У троих Охотников волосы коротко острижены, и из-под неровно торчащих всклокоченных прядей видна изувеченная кожа. Мальчиками они носят длинные волосы, которые стригут в день своих восемнадцатых именин – в тот самый день, когда король вручает им топоры. Они сжигают свои длинные волосы в общем костре, и в ночное небо поднимается сноп искр и ужасный запах. Такова их жертва Принцепатрию, и взамен он обещает отвечать на их молитвы.

Но истинная сила требует больше, чем волосы. Я перевожу взгляд на четвёртого Охотника, чьи волосы длиннее, вьются тёмными завитками на затылке. Кожаная повязка скрывает его левый глаз... или отверстие, где должен быть глаз.

Лишь самые преданные и набожные юноши расстаются не только с волосами. Глаз, ухо, розовый кончик языка. Мизинцы или кончики носов. К тому времени, когда они становятся мужчинами, у многих из них отсутствуют небольшие кусочки плоти.

Каждый мускул моего тела напряжён, свёрнут, как холодная готовая к броску змея, под грузом тысячи непринятых решений. Я могла бы сбежать. Могла бы закричать. Могла бы, заикаясь, выдать Охотникам правду.

Но я представляю, что случится, если я так поступлю: их топоры пронесутся сквозь толпу, рассекая плоть, как ножницы – шёлк, дробя кости до самой сердцевины. Кровь окрасит наши волчьи плащи в алый. Помню, мама уходила молча, и в её глазах не стояли слёзы.

Касаюсь её косы, спрятанной в левом кармане штанов, и золотой монеты – в правом. Мне едва хватило времени, чтобы достать их, прежде чем Котоллин поменялась со мной плащами.

---

² Доломан (долман, долиман) (венг.) – часть гусарского мундира, короткая однобортная куртка со стоячим воротником и шнурами.

Одноглазый Охотник наклоняется к своему соратнику. Я с трудом слышу слова, которые он произносит, – кажется, что-то вроде:

– Приведи её.

– *Иген, копитангъя.*

Несмотря на то, что я пытаюсь храбриться, сердце бешено колотится. Я склоняюсь ближе к Вираг, говорю тихим яростным шёпотом:

– Это не сработает. Они поймут, что я – не видящая. А потом вернутся за Котолин... или что похуже.

– Путь до столицы занимает в лучшем случае полмесяца, – отвечает Вираг со странной безмятежностью. – Достаточно времени, чтобы видения изменились.

Её слова хлещут сильнее, чем тысяча ударов плетью. Я хочу спросить, почему она вообще согласилась воспитывать меня, после того как маму забрали, – неужели лишь для того, чтобы при первой же возможности использовать меня как щит перед Охотниками. Но я не могу сказать ничего из этого – приближается Охотник. И в тот миг я с ужасом понимаю, что, возможно, уже ответила на свой вопрос: меня выращивали как гуся на убой, просто на тот случай, если этот момент однажды наступит.

Охотник останавливает коня в паре дюймов от меня. Его взгляд скользит по мне небрежно, словно я – скот, выставленный на продажу.

– Это и есть молодая видящая?

– Да, – отвечает Вираг. – Двадцати пяти лет от роду и уже вполнину так же искусна, как я сама.

Щёки у меня вспыхивают. Охотник оглядывается на своего капитана, и тот коротко кивает. Конечно же, он не попросит Вираг доказать – только дурак может пытаться обмануть Охотников. И тогда он говорит:

– Дайте ей коня.

Вираг обращается к ближайшей девушке – юной целительнице по имени Анико – и отдаёт ей тихий приказ. Анико проскальзывает сквозь толпу жителей и исчезает. Минуту спустя она возвращается, ведя под уздцы белую кобылу.

Охотник спешивается. Из поясной сумки он извлекает короткую верёвку. Не сразу, но я понимаю, что он собирается связать мне руки.

«У мамы тоже были связаны руки, когда её забрали?» Никак не могу вспомнить. Я дрожу, словно деревце в зимнюю бурю.

Охотник чуть наклоняется, пока связывает меня, и я поражаюсь, как молодо он выглядит – даже моложе меня самой. Ему не больше двадцати, а король уже сделал из него чудовище.

Закончив, он забирает поводья кобылы у Анико и подводит лошадь ко мне. Очевидно, я должна взобраться в седло, но руки у меня связаны, а колени дрожат, едва удерживая мой вес.

– Ну же, в седло, – говорит капитан, чувствуя мою нерешительность.

Скольжу взглядом по поляне, пока наконец не встречаюсь с ним взглядом. Его единственный глаз – чёрный, холодный, как ночь новолуния.

Я ошеломлена, как быстро страх покидает меня, оставив после себя только отвращение. Ненавижу его так сильно, что даже дыхание перехватывает. Ненавижу его больше, чем Котолин, больше, чем Вираг, больше даже, чем смутный образ Охотника, тёмную фигуру из худших моих кошмаров. Хотя я знаю, что лет ему недостаточно, что он не мог совершить этого, я ненавижу его за то, что он забрал у меня мать.

Никто из селян не шелохнулся, когда я неуклюже взбираюсь на спину кобылы, дрожа так, словно меня саму охватило видение. Я не могу не смотреть в толпу, не искать заплаканные глаза или скорбно сложенные губы, но вижу лишь их бесстрастные маски, бледные и пустые. Одна только Борока выглядит так, словно вот-вот расплачется, но её ладонь прижата к губам, а ногти прорезали на щеке кровавые полумесяцы.

Я давно уже не ждала от них любви, но мне всё равно стало больно от того, с какой лёгкостью они отдавали меня. Я – хорошая охотница, одна из лучших в деревне, пусть я и не умею ковать себе наконечники для стрел. Годами я выполняла для Вираг тяжёлую работу, пусть даже всё время бормотала проклятия. Я убила и освежевала половину дичи на их пиршественных столах.

Но ничто из этого не имеет значения. Не обладая ни каплей магии, единственное, на что я гожусь, – это стать жертвой.

Теперь я сижу на спине кобылы, сжимая поводья онемевшими пальцами. Жофия неохотно заплела несколько прядей моих волос в дюжину тонких причудливых косиц, тонких, как рыбы кости, а остальные струятся по спине, свежеевыкрашенные в белый. Волчий плащ наброшен на плечи, и я помню каждое из тех мгновений, когда мечтала иметь свой собственный. Такое ощущение, что Иштен играет со мной самую жестокую свою шутку.

– Поехали, – резко произносит капитан.

На этом и закончился их визит. Они приходят, забирают и уходят. Наше селение заплатило дань – жестокую, человеческую дань, – и это всё, чего хотят Охотники. Холодная краткость всего этого заставляет меня ненавидеть их ещё сильнее.

Моя лошадь бежит вперёд, чтобы присоединиться к Охотникам, стоящим на краю леса. Их длинные тени омывают наше селение, словно тёмная вода. Когда я приближаюсь, то слышу шелест листвы, шёпот ветра, словно зовущий меня по имени. Скорее всего, у меня просто разыгралось воображение, ведь я надеялась хотя бы на единственное слово прощания. Деревья действительно говорят, но на языке, который все мы давно перестали понимать, – на языке, который даже старше древнерийарского.

Встречаю безжалостный взгляд капитана. Я не оглядываюсь, когда моя лошадь пересекает порог Кехси и Эзер Сема, но деревья смыкаются за мной, сплетаясь в кружево тонких ветвей и колючих зарослей, словно лес поглотил меня целиком.

Глава вторая

Мне никогда не доводилось оказываться в лесу ночью. Как только солнце садится, мы не отходим далеко от границ Кехси, где деревья зелены летом и сбрасывают листву осенью. И, разумеется, мы не забредаем в истинный лес – чащобу за кромкой знакомого леса, клокочущую, тёмную. Здесь деревья не подчиняются законам богов, повелевающим меняться с каждым сезоном или расти вверх, протягивая к небу изящные ветви. Мы проезжаем мимо деревьев в их полном весеннем наряде, с пышной листвой и тонкими белыми цветами, а потом – мимо гниющих мёртвых деревьев, почерневших до самых корней, словно их поразила мстительная молния. Мы проезжаем мимо деревьев, обвивающих друг друга, словно два древесных любовника, заключивших друг друга в вечные объятия. А потом – мимо тех, чьи ветви гнутся к земле, словно их тянет не к небу, а к глубинам Подземного Мира.

Я даже не думаю бояться леса – страх перед Охотниками поглощает меня. И хотя я не пытаюсь запомнить их по именам, всё же быстро запоминаю. Молодой светловолосый Охотник, связавший меня, – Имре, крепкий мужчина постарше с луком и колчаном на боку – Фёрко, а угрюмый Охотник за моей спиной – Пехти. Всякий раз, как я осмеливаюсь посмотреть через плечо, я вижу, как Пехти буравит меня взглядом, наверняка желая разрубить мне спину своим топором. Наконец я вообще перестаю оборачиваться.

– И когда же ты собираешься очаровать нас своей магией, волчица? – спрашивает Имре, когда мы проезжаем мимо рощицы, где растут деревья с мясистыми зловонными плодами, цветом похожими на мутную речную воду.

Я напрягаюсь. «Волчица» – одно из многочисленных прозвищ, которыми нас наделили, но мне его выносить тяжелее других. В конце концов, я не наделена магией, и я не сделала ничего, чтобы заслужить этот плащ, который сейчас лживо висит у меня на плечах.

– Я не выбираю, когда меня посещают видения, – отвечаю я, надеясь, что он не замечает, как от лжи у меня вспыхивает лицо.

– Немного в этом пользы. Разве вас не обучают, как вызывать видения?

Его небрежный тон пугает меня даже больше, чем свирепое молчание Пехти. Разговор между хищником и добычей не должен быть лёгким.

– Этому нельзя научить.

– А-а. – Голубые глаза Имре блеснули. – Так же, как нас в Священном Ордено Охотников не учат страстно ненавидеть всех язычников. Ненависть у нас в крови.

Я крепче стискиваю поводья, и что-то внутри меня сжимается.

– Стало быть, ты меня ненавидишь.

– Конечно, – отвечает Имре. – Но в отличие от того олуха, который едет сбоку от тебя, или простака за твоей спиной, я уж лучше проведу время за разговорами, чем буду просто палиться в темноту в ожидании смерти.

– Возможно, остальные предпочли бы умереть в тишине, – бормочет Фёрко.

– Охотники не боятся смерти, – серьёзно замечает Пехти. – Принцепатрий приветствует нас, даруя вечную славу.

– Только если погибнешь с честью. А я лично собираюсь сбежать с криками, как только увижу пару глаз во тьме.

– Не смешно, – рычит Пехти, пуская своего коня в галоп, чтобы одарить Имре стальным взглядом.

– Не волнуйся, Пехти. Я просто дразнюсь. Обещаю, я буду защищать тебя, когда явятся чудовища.

Кончики ушей у Пехти краснеют.

– Твои шуточки сведут тебя в могилу раньше срока.

– Лучше уж погибнуть молодым с улыбкой на лице, чем прожить долгую жизнь, ни разу не рассмеявшись.

– Если б ты в самом деле в это верил, то не стал бы Охотником, – замечает Пехти.

– Тихо.

Это голос капитана. Я не слышала, чтобы он говорил, с тех самых пор, как мы оказались в чаще. И говорит он тише, чем я ожидала, – словно стыдится своей власти. Конечно же, я не решилась спрашивать, как его зовут. А в редких случаях, когда к нему обращаются его солдаты, они зовут его *копитанъя*. Он не буравил меня убийственным взглядом, как Пехти, и не пытался вовлечь в ужасающие беседы, как Имре, но я боюсь его больше, чем всех их, вместе взятых. Несмотря на мягкость голоса, отсутствующий глаз говорит об одном – о фанатичной преданности его богу, а это означает куда большую ненависть к язычникам и волчицам, чем у любого из этих стриженных мужчин.

Капитан останавливается на тропе. Мы останавливаемся позади, и я смотрю вниз на землю, почти ожидая, что увижу внутренности или свежий труп. Но это – всего лишь круг, выдавленный в грязи. Я могла бы подумать, что это был несчастный случай, или, возможно, какой-нибудь зверь волочил хвост по земле, но потом вглядываюсь внимательнее. Дальше на тропе виднеются расщеплённые следы, а за ними безошибочно угадываются спотыкающиеся следы босого человека. Глядя на это, я чувствую головокружение и тошноту.

Следы уводят нас прочь от круга, к дубовой роще, где деревья растут так тесно. Листья у них коричневые, мёртвые, сплетённые, как старая тростниковая крыша хижины Вираг. На стволах вырезан такой же круг, а корни – зловонные, чёрные. До нас доносится запах испорченного мяса.

– Нам разведать, копитанъя? – спрашивает Фёрко, берясь за топор.

Капитан молчит, оглядывая рощу. Он поворачивает голову из стороны в сторону, чтобы рассмотреть всё как следует, несмотря на отсутствие глаза. На мгновение его взгляд останавливается на мне, и я чувствую, как на месте внутренних во мне открывается холодная тёмная яма.

– Нет, – отвечает он. – Движемся дальше.

К тому времени как мы останавливаемся на ночь, я планировала побег уже раз семь. Спрыгнуть с лошади и скрыться за деревьями прежде, чем Охотники успеют меня остановить. Перерезать верёвку, стягивающую запястья, острым камнем и сбежать обратно в Кехси. Помолиться Иштену, чтобы Охотники погибли где-нибудь в лесу и никогда меня не нашли. Помолиться, чтобы король не решил наказать весь Кехси за мою уловку и не повелел сжечь наше селение дотла, как его прадед, Святой Иштван, сделал с остальными языческими племенами.

Уж лучше я буду вглядываться в ужасное гнилое сердце чащи, чем смотреть в лица Охотников и на их топоры. Знаю, я трусиха, а может, и дура. Но судьба моей матери – порхающая птица, за которой я отказываюсь следовать. Я не могу смириться с мыслью, что Охотники убьют крохотную часть её, оставшуюся во мне – слепок нашей общей крови.

Наконец нам разрешают разбить лагерь на небольшой полянке, окружённой рощицей берёз. Бледная кожа деревьев наполовину сброшена. В мёртвой траве разбросаны спирали тончайшей бересты, и всё ещё слабо, но безошибочно угадывается запах мяса, слишком долго пролежавшего на солнце. Пехти и Фёрко исследуют местность в поисках безопасного укрытия, держа топоры наготове. Я не могу не смотреть на лук и колчан на спине Фёрко, и мои мышцы чуть дрожат от глубоко впечатанной в них памяти. Никогда больше я не буду стрелять из лука. Имре собирает поленья и сухие листья для костра и складывает их на землю перед капитаном. Я стою, прижавшись к боку своей кобылы, и мои запястья всё ещё болезненно связаны.

Капитан стягивает перчатки и соединяет свои ладони. В тот миг я думаю, что сейчас он начнёт молиться, и хочу отвернуться в отвращении. Но вместо этого он произносит единственное слово:

– *Магвила́зит.*

Он произносит это словно вопрос или вежливую просьбу, с той же самой почтительной интонацией, которая так изумила меня прежде. И в следующий миг огонь с рёвом оживает перед ним.

Я не в силах удержать встревоженный возглас, соскользнувший с моих губ, равно как и последовавшее за этим обвинение.

– Я полагала, Охотники осуждают все проявления магии.

– Это не магия, – отвечает Имре, подпитывая огонь пятнистой веткой берёзы. – Это вера. Единственная сила, которой мы наделены, – это та, которую дарует нам Крёстный Жизни. Мы просим, и Он отвечает.

– Он всегда отвечает?

Тень покрывает лицо капитана.

– Он вознаграждает за верность, – отвечает Имре. – Чем сильнее ты предан, тем большей силой Он тебя наделяет. Не думаю, что Он когда-либо отказывал в просьбе Иршеку.

С дрожью я встречаю его взгляд, собираясь спросить, кто такой Иршек, но не уверена, что рискну задать ещё один вопрос.

– Иршек – воплощение высшей религиозной власти в Ригорзаге, – говорит Имре, опережая мой вопрос. – И ближайшее доверенное лицо короля. *Кирай Иш Септише́* – королевская власть и божественная. Считаю это двумя столпами, на которых держится королевство.

Я вообще не хочу о них думать. В таком королевстве нет места волчицам. И пока горит костёр капитана, я вспоминаю все те моменты, когда сама пыталась сотворить огонь. Сколько часов я проводила, склонившись над очагом Вираг, отчаянно пытаюсь призвать хотя бы крохотный огонёк на кончиках пальцев. А Вираг стояла надо мной, скрестив руки на груди, повторяя всё те же байки, которые никогда не приносили мне никакой пользы.

– Чтобы пользоваться дарами, ты должна знать их происхождение, – говорила она. – Помнишь сказание о том, как Вильмёттен впервые добыл огонь? Однажды поздно ночью Иштен сбросил с неба звезду. Вильмёттен наблюдал, как она падает в Срединный Мир и тонет в море. Он нырнул за звездой в воду, надеясь спасти её и завоевать благосклонность Иштена. Но когда он достиг дна океана, то увидел, что звезда сияет ярким синим пламенем даже под водой. Вильмёттен не мог держать её в руках и плыть одновременно, потому положил звезду в рот и проглотил. А когда Вильмёттен вернулся на берег, звезда всё ещё дышала внутри его, и он мог сотворить огонь без кремня.

– Я знаю это сказание, – огрызалась я. – У меня просто не получается.

Вираг тогда вздыхала, качая головой, а если оказывалась в особенно отвратительном настроении – заставляла меня оттирать ей тунику в наказание за мой промах и дерзкий рот.

Но через некоторое время она перестала смотреть, как я тщетно сижу у её очага, а я вообще перестала пытаться творить магию. Вызывать огонь было самым простым в освоении из всех даров. И если я не могла даже этого, то разве могла я надеяться, что сумею выковывать металл или залечивать раны?

Я всегда думала, что она меня как-то обманывает, что есть некий секрет, которым владели и она, и остальные женщины и злорадно от меня скрывали. Я знала сказания так же хорошо, как и любая из них, но этого всё равно было недостаточно. Но проще было думать так, чем считать, что я проклята, или что в моей крови есть что-то странное и пагубное.

Хочется потянуться к золотой монете в кармане, но руки у меня связаны. У костра с другой стороны капитан раскладывает свою циновку. Прямо под сгибом колена к его сапогу крепится небольшой нож; стальная рукоять блестит в свете костра.

– Похоже, всё чисто, копитанья, – говорит Пехти. – Я буду охранять первым.

Интересно, что он имеет в виду – охранять отряд от меня или от чего-то, таящегося в лесу. Это мы можем даже не надеяться разглядеть, прежде чем оно убьёт нас. «Эзер Сем» означает «Тысячеглазый». Если вглядываться во тьму чащобы слишком долго, в конце концов нечто взглянет на тебя в ответ.

Изнеможение начинает разъедать мой страх, размывать, как берег реки после ливня. Невозможно сказать наверняка, как долго мы были в лесу, но тело у меня болит, словно я ехала верхом целый день или дольше. Имре и Фёрко устраиваются у огня, положив головы на свои мешки с вещами.

Капитан выжидающе смотрит на меня; его единственный глаз не мигает. Когда я не шевелюсь, его пальцы тянутся к топору, и Охотник вытаскивает оружие со странной мертвенной нерешительностью, словно не может точно оценить его вес в своих руках. «Глупо», – мысленно осекаю себя я за такую оценку. Этот мужчина и его клинок закалены и отточены как раз для убийства языческих девушек вроде меня.

Он сокращает расстояние между нами в три длинных шага. Я представляю траекторию взмаха его топора – дугу, которую оружие очертит, чтобы достигнуть моей шеи. Но возможно, я смогу лучше оценить опасность, посмотрев ему в глаза... в глаз. Уголок опущен, ресницы отбрасывают лёгкую тень на скулу мужчины.

Не говоря ни слова, капитан упирает рукоять топора мне в спину, прямо между лопатками. Сквозь волчий плащ и тунику под ним я чувствую давление древка, его сокрытую подлость. Капитан сглатывает, и его кадык чуть дёргается.

Ноги у меня подкашиваются, когда я опускаюсь на землю. Интересно, он чувствует сдержанную ненависть в том, как я стиснула зубы, или только видит страх на моём побелевшем лице? Интересно, доставляет ли ему удовольствие видеть меня на коленях? Я не дышу, пока капитан не возвращается на свою циновку, а его единственный глаз всё ещё смотрит на меня.

Я должна спать, но мой взгляд то и дело обращается к ножу, закреплённому на его сапоге.

Ночь в Эзер Семе наступает иначе. Ветер стихает, как только садится солнце. Тени обретают причудливые формы, словно обрастая когтями и клыками. Через несколько часов пламя угасает – больше угли, чем огонь, – и я уже не вижу дальше чем на фут. Слышу только тихое сонное дыхание Охотников и шелест мёртвой листвы, где что-то движется за границей деревьев.

Я не могу украсть нож капитана, не разбудив его. Может, я сумею ускользнуть, пока они спят, и скрыться во тьме чащобы. Я рискну повстречаться с чудовищами. Охотники хуже.

Стиснув зубы, я приподнимаюсь на локтях, потом на коленях. Встаю на ноги, морщась от боли в усталых мышцах, напрягшихся и изогнувшихся. Я делаю два осторожных шага назад, останавливаюсь, прислушиваясь к чьему-то движению. Ничего. Поворачиваюсь лицом к холодной абсолютной черноте.

Не успеваю я отойти шагов на пятьдесят от лагеря, как что-то цепляется за ворот моего плаща. Внутри вскипает крик, который я тут же проглатываю. Пытаюсь привыкнуть к темноте, чтобы разглядеть, что за ужасное существо схватило меня. Но всё, что я слышу, – это тяжёлое дыхание человека. Чувствую горячую смертную руку на своём горле.

Из темноты вспыхивает тускло-жёлтым фонарь, освещая полумесяц его лица – покрытый щетиной подбородок, покрасневший нос с треснувшими сосудами. Это не чудовище. Это Пехти.

Испускаю вдох, который похож на дрожащий смех. Мой план побега сорвался, не успев начаться, а я просто дура... обречённая дура.

– Что ты хочешь со мной сделать?

– То, что нашему капитану не позволяет совершить его набожность, – отвечает Охотник, доставая топор.

В тот самый миг я понимаю, что совершила ужасную ошибку. В лице Пехти не осталось ничего человеческого. Губы изогнулись в оскале, обнажая похожие на острый лёд клыки, и даже белки его глаз, кажется, горят, пронизанные красным.

Фонарь падает на землю, свет наполовину затенён опавшими листьями. В приглушённом свете я вижу вспышку топора Пехти и откатываюсь, едва не опоздав. С яростным воем Пехти прыгает на меня, прижимает к траве. Я борюсь, силясь скинуть его, но он слишком силен. Мои руки беспомощно дёргаются, когда он, стиснув зубы, достаёт нож из голенища сапога.

Его лицо болезненно блестит от пота, отливая ярко-зелёным в свете фонаря. Пехти тяжело дышит, его сердце бешено колотится – чувствую это, потому что наши грудные клетки соприкасаются. словно кто-то стучит в дверь моей груди. Животный инстинкт вытесняет страх. Движимая безумным, неистовым желанием жить, я вскидываю голову и впиваюсь зубами ему в ухо.

Он кричит, и я вырываюсь из всех сил. Кровь брызжет в воздух, густыми нитями падает на мой волчий плащ – на красивый белый волчий плащ Котоллин. Пехти скатывается с меня, всхлипывая и хватаясь за голову.

Сплёвываю мышцы и сухожилия, вытираю с лица его кровь.

– Ты хотел дикую волчицу, – говорю я сдавленным голосом, совсем не похожим на мой собственный. – Получи.

– Не я, – стонет Пехти. – Король. Он не... он не станет делать то, что должно быть исполнено. Скорее позволит своей стране сгореть, чем избавить королевство от чумы язычества.

От его слов меня бросает в дрожь. Я убеждаю себя, что это – бред сумасшедшего, только что лишившегося уха. И этот миг моего замешательства даёт ему шанс. Пехти снова нависает надо мной, упирая лезвие мне в горло.

– Ты не заслуживаешь такой чести, как быстрая смерть, – рычит он. Нож вонзается в мою кожу – не настолько глубоко, чтобы убить, но достаточно, чтобы обернуть вокруг моей шеи алый ошейник. Достаточно, чтобы заставить меня всхлипнуть и зажмуриться. По крайней мере, мой выбор – умереть, не глядя ему в лицо, пугающее, отупевшее от жажды крови.

И вдруг я больше не чувствую его вес. Распахнув глаза, вижу, как капитан поднимает с меня Пехти и швыряет его на землю, обмякшего, бескостного. На миг сердце замирает от облегчения, почти от благодарности, прежде чем мной снова овладевает отвращение. Я ненавижу холодную черноту глаза капитана, резкий изгиб его челюсти, пусть он даже и оттаскивает Пехти от меня.

Пехти съёживается под блеском капитанского топора, плачет.

– Приказ был привести волчицу в столицу, а не калечить её и не убивать. – Капитан повышает голос, чтобы перекрыть вопли Пехти.

– *Кирай Ии Сентииэ!* – вопит он. – Королю отдана лишь половина моей верности. Я должен совершить праведное деяние, во имя истинного бога и во имя Нандора...

– Топор в твои руки вложил король, – осекает капитан, но я вижу, как на миг на его лице вспыхивает что-то похожее на панику. – Ты предал корону.

– А как же она? – Пехти указывает на меня дрожащим пальцем. – Она обесчещивает само имя Ригорзага своей презренной языческой магией.

Капитан коротко смотрит на меня, но я не могу прочесть его взгляд.

– Её судьбу предстоит решать королю.

Подбегают Имре и Фёрко с топорами наготове, у обоих волосы взъерошены со сна.

– Что происходит? – спрашивает Имре.

– Она откусила мне ухо, – скулит Пехти.

– А ты пытался меня убить, – дрожащим голосом напоминаю я.

– Предатель. – Фёрко сплёвывает на землю перед ним. – Ты же знаешь, какие приказы отдал король.

– И я должен исполнять приказы короля, который попирает волю Бога? – Пехти вдруг перестаёт дико, отчаянно вращать глазами. На миг его взгляд становится ясным. Из ошмётков уха струится кровь. – Когда есть другой? Тот, кто наденет корону и будет чувствовать Принцепатрия в своём правлении? Нандор...

– Не смей, – слова срываются с губ капитана белым облаком. – Не смей повторять это имя. Имре сводит брови, но хватка на его топоре не ослабевает.

– Ты знаешь, как карается предательство, Пехти.

Пехти снова плачет и не отвечает.

Капитан переводит взгляд с Фёрко на Имре.

– Подержите его.

Оба Охотника бросаются к Пехти, и он воет. Имре и Фёрко переворачивают его на спину, прижимая руки к земле, заставляя раскинуть их. Я всё смотрю, смотрю, а в моей груди нарастает ужас. Капитан стоит у ног Пехти. мех на его чёрном шаубе вздыблен. В свете фонаря лицо Пехти блестит от слёз.

Имре коленом прижимает кисть Пехти к земле. Вынув из голенища нож, он достаёт клинок из ножен и суёт рукоять в рот Пехти.

– Закуси, – велит Имре. С удивлением понимаю, что его лицо тоже мокрое.

Я хочу было протестовать, но вспоминаю безумное, чудовищное выражение лица Пехти, когда он прижимал нож к моей коже. И слова умирают прежде, чем я успеваю что-то произнести.

Топор капитана очерчивает аккуратную дугу, опускаясь аккуратно под левым плечом Пехти. Стремительный взмах взьерошивает мех его шаубе, но когда лезвие зарывается в землю, мех снова лежит гладко.

Долгое мгновение лес молчит. Фёрко и Имре встают. Капитан поднимает топор; с серповидного лезвия стекает что-то вязкое и чёрное. Сонным вялым движением, словно его только что разбудили, Пехти ёрзает по траве, поднимает голову. Когда поднимается его тело, рука не движется следом.

Вижу белую костяную шишку, выступающую из его плеча, и искалеченную плоть, словно усыпанную драгоценными камнями, алыми, как перезревшие ягоды. Вижу рваные лоскуты кожи, наброшенные на обрубок его руки, вяло развевающиеся на слабом ветру.

Нож выпадает изо рта Пехти. Его крик громче, чем любой звук, который мне доводилось слышать. Мой желудок сжимается, словно кулак. Сгибаюсь пополам, уперевшись ладонями во влажную землю, и меня рвёт.

Глава третья

Пехти рыдает всю ночь, не прекращая. После того как Фёрко прижёт его плечо раскалённым лезвием, Имре перевязал рану полосками мешковины и кожи, и пучками сухих листьев, смоченных живицей. Смотрю на них, сгрудившихся у затухающего костра. Во рту всё ещё стоит привкус желчи. Капитан, стоя над потерянной рукой Пехти, соединяет ладони и шепчет поминальную молитву. По всей длине отрубленной руки проносится бело-голубое пламя, яркое, как хвост горящей кометы. Пальцы Пехти тают, словно комочки свечного воска. Костяшки остаются лежать в земле, словно какая-то странная белая флора. Кажется, меня сейчас снова стошнит.

Жалкий рассвет ползёт по лесу; золотистые и розовые лучи восхода пробиваются сквозь тёмную решётку ветвей деревьев и папоротников, выдавливая цвет. До меня дотягивается лишь бледный жёлтый отблеск. Падает на мои трясущиеся руки, покрытые мелкими царапинами от ладоней до ногтей, на пятна засохшей крови на моём волчьем плаще. Падает на капитана, окрашивая его чёрный шаубе в серебристый от пылинок. Падает на Пехти, грудь которого вздымается от рваного дыхания, каждый вздох – насилие. Его побелевшие губы размыкаются, исторгая хриплый стон.

– Ты приманишь всех забытых богом чудовищ Эзер Сема прямо к нам, – рычит Фёрко. Носком сапога он подталкивает нож Имре к Пехти. – Закуси, если нужно.

Пехти не отвечает. Его ресницы вяло подрагивают, словно мотыльки.

Ни я, ни Охотники не спали. Рана у меня на горле всё ещё влажная и открывается всякий раз, когда я пытаюсь заговорить, поэтому я держу губы крепко сжатыми. Сосредотачиваюсь на том, чтобы подавить урчание в животе, когда капитан направляется ко мне, и опавшие листья хрустят при каждом его шаге.

– Встань, – велит он.

Сердце замирает, когда я поднимаюсь. Теперь, когда я знаю, что король хочет, чтобы меня доставили в столицу целой и невредимой, я, наверное, должна чувствовать себя смелее. Но когда вспоминаю о его клинке, отсекавшем руку Пехти, желание храбриться исчезает. Клятва королю до сих пор кажется слишком хлипким щитом между мной и капитанским топором.

– Полагаю, я должна поблагодарить вас, – говорю я, чувствуя, как в горле пересохло. – За то, что спасли мне жизнь.

Не встречаясь со мной взглядом, капитан отвечает:

– Я не вижу славы в спасении волчиц, а свои обеты храню не ради вашей благодарности.

В груди вспыхивает гнев. Охотники настолько же набожны, насколько жестоки, и всякое возмездие, которое они желают обрушить на меня, сдерживается их глупой верностью богу.

– Вам, должно быть, жаль.

– Этого я не говорил, – он бросает на меня быстрый испытующий взгляд. – И ты вполне могла обойтись без моей помощи. Ты откусила Пехти ухо.

Чувствую лёгкий укол стыда лишь потому, что сама подтвердила байки Охотников о варварстве язычников. Но потом я вспоминаю дугу, очерченную капитанским топором, повязку на его отсутствующем глазу, и стыд гаснет быстро, слово затушенная свеча.

– Я думала, отсутствующие части тела делают Охотников могущественнее, – говорю я. – Возможно, ему стоит поблагодарить меня.

– У Охотников нет никакой особой силы, – отвечает капитан. – Есть лишь сила Принцепатрия, текущая сквозь нас, и мы – Его смиренные слуги.

– В Кехси мы боимся не слуг. Мы боимся дикарей с топорами.

Ожидаю, что мой укол заденет его, но капитан лишь изгибает бровь. Он говорит совсем не как дикарь с топором. Голос у него размеренный, а язык красноречив. Я решаю, что он просто исключительно умный солдат. Но всё-таки солдат.

– Но должно быть, вы боитесь гнева ваших богов, – говорит он наконец, – если посмеете свернуть с их праведного пути.

– Нет, – отвечаю я изумлённо. – Наши боги не ждут от нас совершенства.

Так же как мы не ждём от наших богов логики и смысла. Они непостоянны, упрямы, беспечны и снисходительны, как и мы. Разница лишь в том, что в своей ярости они сжигают дотла целые леса, а в своей жажде выпивают досуха целые реки. От их радости расцветают цветы, от их печали наступают ранние зимние морозы. Боги подарили нам частицу этой силы, а мы, в свой черёд, унаследовали их пороки.

Насколько я понимаю, у Принцепатрия нет пороков, и было бы кощунством даже предположить такое. Но как совершенное существо могло создать нечто настолько несовершенное, как люди с такой сильной тягой к капризам и жестокости? И почему это совершенное существо требует от мальчиков крови?

Смотрю на капитана – внимательно смотрю, словно только сейчас разглядела. У него оливковая кожа южанина и длинный нос с резкой горбинкой. Но в остальных чертах лица нет никакой резкости. Оно на удивление юное, гладкое, если не считать лёгкой щетины на горле и подбородке. Когда он поворачивается и я вижу неиспорченную часть его лица – оно кажется почти царственным. Такой профиль можно найти на чеканной монете. Полагаю, живи он в Кехси, Ихрис или Жофия утащили бы его к берегу реки для тайного свидания, и он вернулся бы с застенчивой понимающей улыбкой на припухших губах. Но я не могу не видеть левую половину его лица и не задаваться болезненным вопросом, что же скрывается под чёрной повязкой и как он собрался с силами, чтобы вырвать себе глаз – точно ворон, пиршествующий над трупом. И не могу не задаваться вопросом, впечатляет ли меня сама такое самоотверженное служение или вызывает отвращение.

А от какой части тела готова была бы избавиться я сама, просто чтобы научиться творить огонь?

– Это тоже хорошо. – Капитан, кажется, замечает, как пристально я смотрю на него, и опускает взгляд. На его щеках появляется едва заметный румянец. – Ваши боги могут быть просто иллюзиями, порождёнными демоном Танатосом, но они наделяют вас могущественной магией. Почему ты не использовала магию против Пехти?

Не улавливаю в его голосе ни тени подозрения, но кожу всё равно покалывает.

– Я... У меня были связаны руки. Я не могла призвать магию.

Капитан медленно кивает, губы плотно сжаты. В тот миг я не уверена, верит он мне или нет. А потом он вдруг произносит:

– Дай мне свои руки.

Инстинктивно мои пальцы сжимаются. Верёвка всё ещё натирает нежную кожу на внутренней стороне запястий, оставляя красный след.

Позади нас стонет Пехти. Очень бережно капитан ослабляет верёвку, позволяя мне высвободить руки. Прежде чем у меня вспыхивает мысль о побеге, пальцы капитана смыкаются вокруг моего запястья. Его хватка наполняет меня немим ужасом, заставляя замереть на месте.

Он поворачивается к Фёрко и Имре.

– Поднимите его.

Два Охотника склоняются над Пехти, поднимая его на ноги. Тот издаёт булькающий крик; на губах пенится слюна. Сквозь обмотку кожи и повязку из опавших листьев на его плече медленно просачивается кровь – словно начало таяния весеннего льда. Очевидно, попытка прижечь рану не удалась. У меня сжимается желудок.

Фёрко и Имре подталкивают Пехти ко мне, и капитан берёт его за здоровую руку. Я понимаю, что происходит, лишь за миг до того, как капитан обвивает свободный конец моей верёвки вокруг руки Пехти, соединяя наши запястья. С моих губ срывается шёпот отвращения:

– Ты не можешь...

– Я не могу допустить, чтобы ты снова попыталась сбежать, – отвечает капитан.

Не думаю, что нотки сожаления в его голосе мне лишь показались, как и тёмная тень, покрывшая его лицо, но это никак не успокаивает ярость и ужас, кипящие внутри. Та толика благодарности, которую я питала к нему за спасение жизни, растворяется, как тонкий серп луны в новолуние. Нежный румянец и гордый профиль, мягкий тембр его голоса – всё это лишь покров его варварства. Уж лучше Пехти с его клопочущей ненавистью, с открытым оскалом. Свободной рукой касаюсь раны на шее – кровь запеклась в ложбинке у ключицы. Я уже видела худшее, на что он способен.

Капитан отворачивается от нас и направляется к своему коню. Смотрю на его удаляющуюся спину, соизмеря дыхание. Из-за рассечённого горла мне ещё больше хочется сглотнуть от отвращения.

Чувствую, как верёвку дёрнуло. Пехти согнулся, кашляя кровью.

Я воспринимала жизнь леса как должное, неважно, сколь гнетущей была эта картина – могучие изгибающиеся дубы, круглые серые плоды. Сейчас весь цвет Эзер Сема выпит. Кора на деревьях стала тускло-оловянного цвета, и вся листва опала, оставив лишь сучковатые голые ветви. Даже земля у нас под ногами кажется твёрже, холоднее, словно лошади ступают по камню, а не по грязи. Лесного покрова нет, но неба всё равно не видно – холодный туман накрыл нас, окутав почти непроницаемой мглой.

Пехти со стоном покачивается, то и дело прижимаясь к моей груди. Нас обоих посадили на спину моей белой кобылы. Пехти сидит впереди, сжимая коленями шею лошади. Сжимает рукой её гриву так, что побелели костяшки пальцев. Там, где наши запястья соединены, я чувствую его холодную гладкую кожу – словно его окунули в мутный подёрнутый ряской пруд.

Лес вокруг нас стих. Там, где когда-то разносился треск сухих листьев или едва слышный звук шагов, теперь не осталось ничего, даже шёпота ветра. Моё сердце в смятении, но желудок словно чистый лёд. Думаю, лес показывает мне, как же я глупа, что позабыла свой страх перед чащобой, место которому уступил страх перед Охотниками.

– Волчица, – шепчет Пехти. Его голова откидывается назад, мне на плечо.

– Не надо, – цежу я. – Не говори.

– Знаешь, что с тобой сделают? – настойчиво уточняет Пехти. Его глаз я не вижу, только затылок и кожу на подбородке – всё мраморно-серое, словно лишайник на бревне. – Когда доберёшься до столицы. Король... этот король-безбожник... Нет, не он. Его сын.

Распрямяюсь, силясь сбросить его с себя.

– Ты имеешь в виду принца?

У короля куча бастардов и только один законный сын. Мы зовём его Чёрным Принцем – эпитет, больше похожий на элизию, миг тишины между вдохами. Мы в Кехси знаем о нём так мало – только что он отпрыск давно умершей ненавидимой в Ригорзаге королевы-иноземки. Небольшое упоминание в народной песне, которую мы называем «Песнью Пяти Королей».

Первым пришёл Король Иштван. Плащ его бел точно снег.
Следом был сын его, Тудор. Пламя на Север принёс.
После был Геза, он – третий. С длинной седой бородой.
Янош – король наш последний... Сын его – Фекете, принц.

– Нет, не принц, – бормочет Пехти. Побелевшая от холода борода завивается. – Его другой сын. *Истинный* сын. Нандор.

Втягиваю голову в плечи. Вот уже второй раз я слышу это имя. Помню тень, покрывшую лицо капитана, когда Пехти упомянул Нандора ранее. Бросаю на него взгляд. Его конь идёт в нескольких шагах впереди, окутанный туманом, – просто чёрное пятно в серой мгле.

– Нандор, – повторяю я, и мою кожу покалывает. – Что же он собирается со мной сделать?

Рот Пехти беззвучно открывается и закрывается, словно у карпа, выброшенного на берег реки. Он наклоняется через бок коня, и его рвёт; кровь и желчь забрызгивают дорогу.

Перед глазами у меня рябит. Его запах хуже всего на свете, хуже чем даже его липкие прикосновения и нездоровый блестящий румянец, хуже даже чёрного пятна влаги, просачивающейся сквозь самодельные повязки из сухих листьев и мешковины на плече. Хуже, чем то, как сжимается желудок, когда я смотрю на его руку, ищу взглядом и вдруг понимаю, что её там нет, что осталось лишь болезненное пустое пространство вокруг.

Пехти пахнет зелёной гнилью сырого дерева, покрытого плесенью, умирающего. Пытаюсь задержать дыхание.

Он бормочет что-то на древнерийарском, поднимая здоровую руку, а вместе с ней и мою, чтобы стереть с подбородка рвоту.

Отвращение цепляет меня рыболовным крючком, переплетаясь с чем-то худшим, скрытым глубже. Я помню одну из самых жестоких и хитроумных шуток Котолин. Тогда мы обе были девочками – это случилось немногим позже того, как мою мать забрали, – и Котолин пригласила меня в игру. Моё сердце забилося чаще от её приглашения, жаждая даже маловероятной возможности дружбы.

Котолин велела мне спрятаться где-нибудь в лесу, а она будет меня искать. Я улеглась в зарослях папоротника, выкопала в грязи небольшую ямку для подбородка. Я всё ждала и ждала, пока клочья неба, видневшиеся между ветвями терновника и качающимися ветвями ивы, не стали тёмно-синими. Холод сумерек окутал меня вторым плащом, и вдруг тени деревьев стали похожи на разинутые пасти, а терновник, обнимавший меня, из колыбели превратился в клетку. Я выбежала из своего укрытия, и шипы цеплялись за мою одежду. Плача и спотыкаясь, я бросилась в Кехси.

Вираг была сбита с толку моими слезами.

– Почему ты просто не вышла?

Я беспомощно моргнула, глянула на Котолин, слишком потрясённая, чтобы произнести хоть слово.

Она посмотрела на меня лукаво-бесхитростно.

– Я тебя везде искала. Так и не смогла найти.

Лишь позже я поняла, почему эта уловка была такой безупречной. Она не оставила никаких доказательств своих недобрых намерений, никакой раны, на которую я могла бы указать и сказать: «Видите, она сделала мне больно!» И если бы я попыталась выразить свою боль вслух, все сочли бы меня болтающим попусту ребёнком. В самом деле, почему я не вышла? Ведь все знают, что лес опасен по ночам.

Смотреть, как Пехти умирает рядом со мной, похоже на ожидание Котолин в лесу. Меня ранит моё собственное отвращение и ужас, моя неуместная жалость и чувство вины – ничего больше. Я ненавижу капитана за то, что он связал меня с моей собственной беспомощностью. Ненавижу его так сильно, что в груди разливается жар, яростный, сбивающий дыхание.

И вдруг моя лошадь останавливается. Держится рядом с вороним жеребцом Имре, прижимая уши к голове цвета слоновой кости.

– Слышали? – спрашивает Имре. Его бледные ресницы усеяны крошечными ледяными жемчужинами. Вдалеке – так далеко, что едва можно услышать, – раздаётся неспешный размеренный шорох.

– Это Пехти, – отвечает Фёрко, направляя своего коня так, чтобы остановиться сбоку от меня. – Чудовища в лесу слышат его стоны за много миль. Это выманивает их из логова и...

Капитан разворачивается к нам, положив ладонь на рукоять топора. В его тёмных кудрях виднеется капелька белизны, диадема из инея.

– Тихо, – резко говорит он, но кадык у него чуть подёргивается.

Пехти, прижавшись ко мне, замирает. Мы не произносим ни слова, когда шелест приближается. Ещё ближе. Бёдрами я чувствую, как вздымается и опадает грудь моей кобылы. Имре уже достал свой топор, а Фёрко – свой лук. Мы держимся рядом, единая масса огромной человеческой добычи.

Туман выплёвывает что-то на тропу перед нами. Все четыре лошади с безумным ржанием встают на дыбы, и Пехти соскальзывает со спины моей кобылы, увлекая меня за собой. Тяжело падаю спиной на твёрдую холодную землю, слишком потрясённая, чтобы даже вскрикнуть.

– Стоять! – рявкает капитан.

– Это курица, – говорит Имре.

В самом деле, появляется одна-единственная птица – клюёт что-то на тропе, не замечая хаос, который только что создала. Её перья блестят, как полированный обсидиан. Даже клюв и гребешок у неё чёрные.

Не могу удержаться – смеюсь. Хохочу так сильно, что на глазах выступают слёзы, хотя моя кобыла беспокойно кружит по тропе, укоризненно фыркая. Имре тоже смеётся, и звук его смеха изгоняет остатки страха из моего сердца, растапливает лёд в животе. Капитан смотрит на меня так, словно у меня выросли семь голов.

– Вот и всё, что ты можешь? – спрашивает Имре у леса, как только стихает истерика. – Чёрная курица?

Мёртвые деревья что-то неразборчиво шепчут в ответ. Капитан спрыгивает с коня – его сапоги стучат о землю. Приподнимаюсь на локтях, и к горлу снова подступает комок паники.

Но капитан ко мне не подходит. Становится на колени рядом с Пехти, стягивает перчатку, прижимает два пальца к горлу Охотника. От нежности этого касания у меня перехватывает дыхание, и мне приходится напомнить себе об увиденном: блеск его топора в темноте, быструю уверенность его движений, когда он соединил наши с Пехти запястья.

Капитан поднимает голову. Чёрный глаз подёрнулся пеленой, словно озеро в беззвёздную ночь.

– Он мёртв.

Больше никакого смеха.

По пути мы встречаем ещё трёх кур. Туман начинает рассеиваться, и лес вокруг нас редет. По мере того как мы продвигаемся вперёд, деревья уступают место травянистой равнине, а туман прорезают чёрные лоскуты ночного неба. Глазурь инея тает на наших руках и лицах. Когда я впервые вижу озеро, то едва удерживаюсь от того, чтобы не спрыгнуть с лошади и не рвануть к нему, так я благодарна, что выбралась из леса.

Чёрное Озеро простирается до самого горизонта; клочья тумана парят над водой, словно пар, вырвавшийся из горшка. Под покровом тумана оно мрачно блестит в свете белёсой луны, а его поверхность испещрена отражениями звёзд. Словно озеро ночи, и я готова поверить, что если опущу руку в воду, то вытащу звезду, яркую, как драгоценный камень.

– Красивое, – шепчет Имре. Фёрко опускается на колени, шепча молитвы на древнем наречии. Его глаза закрыты, и ветер обдувает его полное благоговения лицо.

– Здесь должно быть безопасно для лагеря, – говорит капитан, равнодушный к увиденному.

В любом случае я и не жду от него восторга, но могу сказать, что судьба Пехти ослабляет его облегчение. После того как Пехти умер, капитан положил ладонь ему на лицо и осторожно

закрыв глаза. Выпрямил ему ноги, сведя лодыжки, и положил здоровую руку на грудь, словно тот неловко задремал. Поза была слишком скованной для настоящего сна, нарочито благочестивой, как и сам капитан. При виде этого меня наполнила глубокая горечь – я ведь знаю, что у меня не будет такой церемонии. Некому будет закрыть мои незрячие глаза или побеспокоиться о положении моих рук и ног. Если моё тело вообще переживёт мою смерть – ведь никто в Кехси не знает, что король делает со своими волчицами. Только что ни одна из них не вернулась.

Потом капитан соединил ладони, прошептал молитву, и тело Пехти охватили пламя и дым.

Теперь я наблюдаю, как капитан слезает с коня и опускается на колени перед Чёрным Озером. Стягивает перчатки и опускает ладони в воду. Его раскаяние колет меня, точно шип. Будет ли капитан мрачен после моей смерти? Очень сомневаюсь. Думаю, среди Охотников гибель волчицы вызывает большое ликование.

Имре дёргает за конец верёвки, обвившей мои запястья, и ведёт к разворачивающемуся лагерю. Уже готов костёр из промёрзших поленьев и чугунный котелок, проржавевший по краям. Нам придётся вскипятить воду, прежде чем мы сможем её пить. Чёрное Озеро немного солёное, словно Иштен вырезал дыру в почве, а потом влил в неё океан, чтобы создать для Ригорзага своё собственное крошечное море, замкнутое в границах земли. За озером лежит Малая Степь – неровная, испещрённая солончаками и редкими участками болот, растекающихся вдоль притоков, которые прорезают землю, словно трещины – зеркало. Она отмечает западную границу Форкошвара – региона, в котором находится Кехси, который создал король Иштван, когда нарезал древние территории племён на аккуратные новые участки и поставил во главе каждого по самодовольному графу.

Капитан зажигает на берегу огонь, и Имре подвешивает котелок. Он варит жёсткую дичь и овощи для рагу. От запаха лука у меня режет в глазах, но желудок ноет. Учítывая, какой жёсткий темп задал капитан, я вообще не ела с тех пор, как покинула Кехси.

Разделять трапезу с Охотниками кажется невысказанным. Я не желаю признавать, что между нами есть что-то общее – даже что-то столь мелкое и глупое, как любовь к этому рагу. Это такая же постная пища, как та, что мы едим в Кехси, добывая её в разгар зимы, когда наши запасы почти иссякают. Она напоминает мне о доме, а я не хочу, чтобы Охотники отравляли мои воспоминания. Монета, мамина коса и волчий плащ Котолин – вот и всё, что у меня осталось.

Но я проголодалась. Каждый кусочек рагу кажется предательским, и я внезапно со злобой вспоминаю Котолин. *«Мой народ»*, – сказала она тогда. Вираг остановила её до того, как она успела закончить фразу, но я знаю, что она собиралась сказать. Что мне не место в Кехси. Что половина моей крови – порченная, и я никогда не стану одной из них.

Истинная волчица отказалась бы от рагу. Она скорее позволила бы себе умереть с голоду, чем любезничать с Охотниками.

Облегчение оттого, что я выбралась из леса, омрачается осознанием, что мы всё ближе к Кирай Секу. Всё ближе к моему концу. В голове у меня лишь смутные его очертания, в сердце вонзён ледяной коготь страха, а на языке – вкус крови. Я бы предпочла знать, как именно умру, чем в ходе всего путешествия задаваться вопросом, наступит ли моя смерть от клинка или от огня.

– Как думаете, что вас ждёт, когда доберёмся до Кирай Сека? – осторожно спрашиваю я. – Личная благодарность от короля? Праздник в вашу честь?

Имре фыркает:

– Я надеюсь просто, что кто-нибудь из других солдат не украл мою койку.

– Это твоя первая миссия как Охотника?

– Первая в Эзер Семе. Мы странствуем по всему Ригорзагу, посещаем множество мест и помимо лесов. Думаю, титул «Охотник» несколько вводит в заблуждение.

Хочется спросить, чем они занимаются, когда не сражаются с чудовищами и не похищают волчиц, но не уверена, что ответ мне понравится. Так что вместо этого говорю:

– Я думала, для этого у короля есть армия.

– Королевская армия стоит на границе вот уже двенадцать лет. Солдат едва хватает даже на охрану столицы.

С усилием выдыхаю. Мне не нравится думать, что Охотники выполняют задачи обычных солдат. Ненавидеть их становится сложнее, когда представляешь, что сражаются они просто за золото, в надежде однажды вернуться к своим семьям.

– Не смотри так разочарованно, – говорит Имре, заметив моё изумлённое выражение лица. – Большинство из нас по-прежнему богобоязненные мужи. Некоторые в большей степени, чем другие.

– Как Пехти.

Имре тяжело вздыхает.

– Пехти не был особенно набожным человеком. Просто наивный простака, лёгкая добыча для тех, у кого хорошо подвешен язык. Он считал, как и многие другие отчаявшиеся крестьяне, что все беды Ригорзага – от язычников.

И это тоже меня изумляет. Иногда в Кехси случается неурожай или зима особенно сурова, но в этом мы можем винить только себя или наших капризных богов. В некоторые годы Эрдэг сильнее, и болезни уносят больше наших людей. Но когда Иштен снова одерживает верх – подобно восходу солнца после долгой ночи, – у нас царят обильные зелёные вёсны и рождается множество новых девочек.

Конечно, в некоторые годы приходят Охотники, а это куда хуже самого страшного неурожая или даже козней Эрдэга.

– Какие беды? – спрашиваю я.

– В основном война, – отвечает Имре. – Я слышал, вся линия фронта пропитана кровью Рийар. Кажется, Мерзан становится сильнее с каждым днём.

Новости о войне редко доходят до Кехси. Мне известны лишь скудные факты: три десятилетия назад король Барэнъя Янош женился на мерзанской принцессе, пытаясь заключить союз с нашими могущественными соседями на юге. Это работало – какое-то время. Королева даже родила ему сына. Но Мерзан был слишком честолюбив, а Ригорзаг – слишком упрям. Когда королева умерла, всякая надежда на мир погибла вместе с ней.

– Лучше не мучиться из-за таких вещей, – наконец говорит Имре. – Война идёт тяжело. Зима будет долгой. Раз уж Крёстный Жизни того желает, у Него должна быть причина. Нас учат служить, а не задавать вопросы.

Помню, как с рёвом ожил огонь по воле капитана, так внезапно и уверенно. Любая волчица поразила бы такому пламени, столь же впечатляющему, как работа лучших наших огнетворцев. Мы бы назвали это Силой, магией. Они называли это благочестием. Но какая разница, если оба огня сияют одинаково ярко?

Ветер поёт в рогозах, унося с озера туман. Ложные звёзды, усеивающие поверхность воды, подмигивают, словно небесные глаза. Фёрко уже лёг спать, и вскоре Имре следует его примеру, ложится. Я не видела, чтобы капитан проглотил хоть кусочек рагу или сделал хотя бы глоток воды. Он сидит у костра, сложив руки. Сейчас, когда за нашими спинами раскинулся лес, а впереди лежит лишь бледная пустынная полоса Малой Степи, наш отряд наконец может заснуть одновременно. Но я бодрствую, согревая своё грешное языческое тело светом пламени Крёстного Жизни, борясь с тяжестью в веках.

Нож капитана поблёскивает у него в сапоге. Возможно, этой ночью я всё-таки смогу быть настоящей волчицей.

К тому моменту как Охотники уснули, у меня едва хватает сил, чтобы и самой не погрузиться в забытье. Изнеможение наполняет голову, как целая стая свиристящих птиц. Перед

глазами то туманится, то очертания становятся слишком резкими, и от этого мне нехорошо. Когда справа в зарослях ежевики я слышу шуршание, то даже почти не подпрыгиваю от неожиданности.

Это всё та же курица из леса, с чёрными, как озёрная вода, перьями – она что-то клюёт, направляясь ко мне. От страха саднит горло. С усилием сглатываю, бормочу:

– Хватит уже меня пугать.

Курица склоняет голову набок.

И вдруг взрывается.

По крайней мере, так это выглядит. Вихрь перьев, облако дыма, от которого воняет хуже, чем от гниющей раны Пехти. И когда воздух проясняется, передо мной появляется *нечто* – явно не курица.

Это создание выглядит почти как человек – достаточно по-человечески, чтобы у меня перехватило дыхание. Серо-зелёная кожа туго натянута на позвоночник и грудную клетку – кости вот-вот её вспорют. Голова опасно болтается на тощей шее, чёрный язык разворачивается между рядами острых, точно лезвия, зубов. Этот язык болтается по земле, когда тварь ползёт ко мне на четвереньках, шипя и постанывая. А её глаза – и не глаза вовсе. Два скопления мух на измождённом лице.

Я отшатываюсь обратно к огню; в груди застыл хриплый крик. Ещё три твари пробираются сквозь кусты; волоски на их ребристых спинах топорщатся на холодном воздухе. Они ползут к Фёрко и Имре, слепо обнюхивая мокрую землю, ведомые одним лишь запахом.

Я, наконец, кричу, когда одна из тварей впивается зубами в череп Фёрко.

Тварь проглатывает кусок плоти и мышц; кровь струится по траве. Кожа Фёрко хлопает на ветру, как раздувающееся платье, обнажая костяной выступ прямо под глазницей.

Имре резко просыпается, но не успевает стряхнуть с себя туман дремоты. Ещё одна тварь бросается на него, впившись зубами ему в горло. Он издаёт булькающий звук, захлёбываясь собственной кровью, и этот звук ещё хуже, чем само зрелище того, как тварь жуёт его алые мышцы и глотает.

Моё чудовище лениво с любопытством кружит вокруг меня, словно пытается решить, стою ли я того, чтобы меня съесть.

Верёвка у меня на запястьях ослабла настолько, что я могу снять её зубами, но это не приносит мне особой пользы. У меня нет оружия – только почерневшие поленья костра позади и бесполезная мокрая трава подо мной. Лук Фёрко окровавлен и лежит слишком далеко. Чудовище подбирается ещё на шаг ближе. У него человеческие руки с зазубренными жёлтыми ногтями.

– Пожалуйста, – выдыхаю я. – Иштен...

Но я уже так давно не молилась, что даже не помню, что собиралась сказать. «Позволь мне сотворить пламя, – с отчаянием думаю я. – Позволь выковать клинок, и я больше никогда не буду себя жалеть».

Но ничего не происходит. Вместо этого топор капитана со свистом рассекает воздух, опускаясь прямо на хребет твари. Слышу хруст кости, и чудовище падает на землю, сминаясь, как плохо натянутый шатёр.

Страх и паника ревут во мне, как речная вода в ливень. Среди этого бурления, среди всего этого хаоса я помню только одно – свою ненависть к Охотникам. Вскидываю на ноги, едва не споткнувшись, и выхватываю из голенища сапога капитана нож. Заношу его над головой, готовясь нанести смертельный удар.

– С ума сошла? – рывкает капитан. Он легко уклоняется от моего ножа, затем разворачивается и рубит вторую тварь, лицо которой вминается под лезвием его топора.

Два других чудовища отходят от Фёрко и Имре и обходят нас по сужающемуся кругу, оттесняя к озеру. Я ступаю в холодную воду, скидываю руку, чтобы сохранить равновесие, и

оказываюсь с капитаном спиной к спине. Мы движемся дальше, пока я не погружаюсь в воду по пояс, а чудовища гребут к нам. Скопления мух, служащие им глазами, жалобно жужжат. Их зубы красны от крови Охотников.

Одно из них бросается на меня из воды, и я резко пригибаюсь, позволяя ему прыгнуть на меня сверху. Сдерживаю крик, когда его рот смыкается где-то у меня над лопаткой. Как только режущая боль прошивает мне руку, внезапная волна гнева вытесняет её. Я разъярена – не могу же я сдохнуть так глупо! Не от взмаха клинка короля Яноша, а в пасти какого-то безымянного чудовища. Из своей выгодной позиции я втыкаю нож прямо меж выступающих рёбер и яростно проворачиваю. Чудовище с визгом падает назад, из его раны что-то течёт.

Капитан борется со своей тварью, которая всё ещё сопротивляется, хотя её левая рука почти оторвана от тела, висит на тонких нитях мышц и сухожилий. Капитан наносит удар, но промахивается. Его движения неуклюжи; топор у него в руках кажется слишком тяжёлым, и на миг я поражена его неловкостью. Твари удаётся оторвать лоскут ткани от доломана капитана, оставив открытым участок его бронзовой кожи.

Охотник бешено крутится в воде, быстро вращая головой вправо и влево, пытаюсь компенсировать слепое пятно. Повинуясь инстинкту, приближаюсь к капитану слева, и когда чудовище снова набрасывается – наши топор и кинжал встречаются в самом центре его груди. Металл скрежест по металлу. С воплем тварь падает обратно в озеро.

Долгий миг его тело содрогается в ужасных спазмах. Кровь сочится, смешиваясь с водой, тёмная и тошнотворная, воняющая, как зелёная гниль Эзер Сема. И вдруг барахтанье прекращается, и мухи перестают жужжать. Я слышу только рваное дыхание капитана и сбивчивое биение моего собственного сердца.

Мы выползаем на берег. Звёзды всё так же подмигивают со своим злорадным весельем. Падаю на берег, прижавшись щекой к прохладной траве, и сквозь полусомкнутые веки наблюдаю за капитаном, упавшим рядом со мной. Влажные от воды волосы падают на волчий плащ, рассыпаются по земле. Сквозь растворяющуюся серебристую краску пробиваются пятна рыжины. Капитан переворачивается, чтобы встретиться со мной взглядом, тяжело дышит.

– *Тэ нэм ваги тальтош*, – сумел произнести он, окидывая меня изумлённым взглядом – мои каштановые волосы, мою сорванную маску. «*Ты – не видящая*».

– *Тэ нэм ваги хорцош*, – резко отвечаю я между прерывистыми вздохами. «*Ты – не воин*».

– Да, – подтверждает он, и его щёки чуть краснеют. – Не воин.

С явным усилием он заставляет себя сесть и протягивает мне руку, затянутую в перчатку.

– Барэнья Гашпар.

Глава четвёртая

Я уставилась на капитана сквозь паутину мокрых волос – тщательно заплетённые косички разметались – и пытаюсь заставить себя осознать его слова. «Песнь Пяти Королей» звенит у меня в голове – простая знакомая мелодия. Мы зовём принца Чёрным – Фекете. Но это не настоящее его имя.

Отбрасываю волосы назад, силясь прочитать выражение лица капитана. Нет, не капитана – принца.

Могу выдавить из себя одно-единственное слово:

– Почему?

– Сформулируй вопрос поточнее.

Горло саднит от крика и оттого, что я наглоталась озёрной воды, выбираясь на берег. Голос звучит хрипло, совсем не похоже на рык, как мне бы хотелось.

– Почему ты мне соврал?

Он разглядывает рану на своей груди, пульсирующий след от когтей твари. Там, где чудовище оторвало лоскут его доломана, видны три длинных пореза – свежие, рубиновые.

– Я тебе не лгал, – говорит он через паузу. – Ты ни разу не спрашивала, как меня зовут.

– А ты не спрашивал, как зовут меня, – огрызаюсь я. – И не спрашивал, бывают ли у меня видения. Если ты не лжец, то и я тоже.

Гашпар устало смотрит на меня.

– Как тебя зовут, волчица?

Плотно сжимаю губы, думаю, не соврать ли, или хотя бы помолчать подольше, чтоб он помучился. Но я слишком устала, чтобы сделать то или другое.

– Ивике, – отвечаю я. – Меня зовут Ивике.

– И ты – не видящая.

– Да, – вскидываю голову. – Не видящая.

– В твоих жилах есть хоть капля магии?

– Нет, но...

– Значит, это старуха солгала мне. – Гашпар качает головой. – Разве может быть оскорбление тяжелее, чем послать королю единственную волчицу, от которой ему не будет никакого толка?

Я давно привыкла к такого рода пренебрежительному отношению, но слова всё ещё жалят, даже слова, исходящие от Охотника.

– Как насчёт оскорбления, что нас вообще крадут? И потом, я не так уж бессильна, как ты думаешь. Без меня ты бы не выжил в схватке с этими чудовищами.

– Мы бы вообще не столкнулись с чудовищами, если б могли предвидеть их приближение. Фёрко и Имре остались бы живы.

– Я же тебе говорила – так это не работает, – огрызаюсь я. – Видящие не выбирают свои видения. Это видения выбирают их.

И всё же мой взгляд скользит туда, где лежат изуродованные тела. Лицо Фёрко треснуло, словно спелый плод с мякотью из розовой плоти и осколков костей. Сердце Имре лежит у него на груди, всё в следах укусов, всё ещё истекая розоватыми струйками крови. Я знаю, что Охотники – мои враги, что я должна радоваться их смерти, но когда смотрю на них – желудок сжимается. И при мысли о том, какими ужасными были их последние мгновения, чувствую укол боли где-то в груди.

И оттого, что я оплакиваю погибших Охотников, становится ещё больнее.

Гашпар поднимается, окунает топор в мелкую воду, смывая с лезвия свернувшуюся кровь созданий.

Его нож по-прежнему зажат у меня в руке, и мои пальцы стискивают рукоять с такой силой, что отпускать больно. Понимаю, что он не воин, даже по тому, как он поворачивается ко мне спиной – моё лезвие оказалось бы у его горла даже прежде, чем он успел бы повернуться обратно.

Но это ужасно нелепый план, даже более абсурдный, чем все мои предыдущие. Охотники – безликие солдаты, выведенные для того, чтобы стать добычей лесных чудовищ. Король даже не моргнёт, узнав об их смерти, и за это уж точно не стоит карать Кехси. Но смерть принца...

– Ты не можешь вернуться, – начинаю я. – Ты не выживешь в чащобе в одиночку, а Вираг слишком старая, чтобы отправиться в Кирай Сек. Она – единственная видящая в деревне.

– Я не собираюсь возвращаться. – Гашпар всматривается в решётку деревьев, в мелькающие меж их стволов маслянисто-чёрные тени. – И я не собираюсь отправляться в Кирай Сек. Я не вернусь к отцу с одной лишь бесполезной бессильной волчицей.

Знакомый гнев скручивается в груди.

– Да ты и сам с этим своим топором настолько же бесполезен. Неужели все Охотники такие ужасные бойцы?

– Охотники обучены убивать чудовищ топорами, – отвечает он, распрямляясь с резким вздохом. – Принцы же обучены сражаться с врагами-людьми клинком и языком.

Усмехаюсь. Если у меня и оставались сомнения, что он – принц, то его надменный раздражающий вид развеял их. Его слова кажутся отрепетированной придворной чушью. Но я не думаю, что брезгливые сладкоголосые принцы вообще должны становиться Охотниками. Им положено попивать вино в безопасности городских стен, в то время как другие люди, помельче, умирают за них.

– Так почему ты таскаешься по Форкошвару с этим массивным клинком на поясе? – с вызовом спрашиваю я.

Чувствую некоторое удовлетворение от того, как быстро с него слетает высокомерие. Гашпар отводит взгляд, и его лицо темнеет.

– С тем же успехом я мог бы спросить, почему существа, которых вы зовёте богами, не наделили тебя магическим даром, – медленно произносит он. – Но меня не интересует, что на уме у демонов.

Для любой другой волчицы это могло бы быть глубочайшим оскорблением. Но за что мне благодарить богов, кроме как за краткую зиму и зелёное обещание весны? Моя поверхностная вера не защитила меня ни от плети Вираг, ни от злобных насмешек Котоллин, ни от Охотников, которые пришли за мной. Уж лучше я помолюсь Эрдегу о быстрой и безболезненной смерти.

А может, мне и вовсе не следует молиться языческим богам. Моя рука невольно скользит в правый карман, выуживает золотую монету, и облегчение наполняет меня, когда я сжимаю её липкими пальцами.

Поднимаюсь на ноги. Сжимая кинжал в руке, подхожу к Гашпару и встаю справа, чтобы он мог смотреть на меня своим здоровым глазом.

– Что же ты будешь делать, Барэнъя Гашпар? – спрашиваю я. – Убьёшь меня на месте?

Принц встречает мой взгляд и выдерживает его. Слишком долго. Его чёрный глаз пылает, и я ненавижу его с новой силой. Ненавижу за то, что он стал рабом худших порывов своего отца, за его топор и чёрный шаубе Охотника, и за то, что он привязал меня к Пехти. Но больше всего ненавижу за то, что я боялась его, что он заставил меня почувствовать себя мёртвой даже до того, как это случилось бы.

Страх больше не было. Его пальцы крепче сжимают рукоять топора, но я даже не вздрагиваю. Я видела, как он сражается. Не то что я сама такой уж искусный воин, но если дело дойдёт до схватки – я выиграю.

В итоге Гашпар так и не поднимает своё оружие. Медленно, равнодушно моргает, потом спрашивает:

– Ты знаешь легенду о туруле?

Непонимающе смотрю на него, пытаюсь осмыслить вопрос. Это так неожиданно, что моя хватка на рукояти ножа ослабевает. Хорошая бы получилась уловка, если он собирался убить меня. Но, взяв себя в руки, отвечаю:

– Конечно знаю. Это одно из множества сказаний Вираг. Но какое дело Охотнику до языческих легенд?

Гашпар извлекает из-за ворота своего шаубе кулон на серебряной цепочке. Сняв её, протягивает мне. Это небольшой диск из чеканного металла, на котором стоит печать Ордена Охотников – та же печать, что украшает нагрудник его коня. На переднем плане изображён символ Принцепатрия, трёхконечное копьё. Но за ним, выгравированные так слабо, что мне приходится напрягать зрение, я различаю очертания ястреба.

– Король очень интересуется языческими легендами, – отвечает Гашпар. В его голосе я чувствую тяжесть. – Особенно этой.

– И почему же?

– Потому что силы он желает больше, чем чистоты, и хочет найти способ выиграть войну. – Гашпар снова надевает кулон, прячет его под шерстью своего шаубе. – Что Вираг рассказывала тебе про турула?

Воспоминание о том, что рассказывала Вираг, абсолютно ясное, кристально чистое, сияет в моём сознании словно осколок битого стекла. Легенду о туруле она упоминала не так часто, приходилось её упрощать. Это случилось после одной из моих многочисленных попыток разжечь огонь, и Вираг настиг приступ великодушия. Вместо того чтобы отругать меня, видящая посадила меня к себе на колени и попыталась поведать мне сказания о происхождении: как Вильмёттен достал звезду Иштена со дна моря, как отправился на Крайний Север по длинному потоку, как выковал меч богов.

– Всё это – сказания о происхождении нашего волшебства, – сказала тогда Вираг. – Нельзя даже надеяться постичь любой из трёх даров, не понимая, откуда они взялись.

Я считала дары на пальцах – сотворение огня, целительство,ковка. Каждый – сложнее, неуловимее предыдущего. Но был и четвёртый дар, овладеть которым я не могла и мечтать. Тот, который чтит больше прочих.

– А как же дар Видения? – спросила я. – Откуда взялся он?

На этот раз Вираг не ухватила за возможность рассказать очередную историю. Глаза у неё не сияли тем голубым огнём, подпитываемым её горячей любовью к нашему народу – как каждый раз, когда она говорила о таких вещах. Напротив, в тот миг её глаза показались странно пустыми, словно два тёмных колодца, и в мягком свете очага её лицо выглядело особенно постаревшим.

«Вильмёттен устал от долгого пути, – начала Вираг. – Он хотел вернуться домой и отдохнуть, хоть и не знал, что его ждёт, когда он вернётся в своё селение. И тогда он увидел огромную птицу с огненными перьями, летевшую по гладкому серому небу. Казалось, птица манила его за собой. И Вильмёттен пошёл следом, пока наконец не увидел, как она устроилась на вершине высоченного дерева. Это было самое высокое дерево, которое он когда-либо видел, – его широкий ствол пронзал самые облака».

«Вильмёттен начал карабкаться, и карабкался несколько дней. А когда достиг вершины, то понял, что турул привёл его к древу жизни – древу, ветви которого – колыбель Верхнего Мира, царства Иштена и других богов. Его ствол образует ось Срединного Мира, где жил сам Вильмёттен и все прочие люди. А корни уходят в Подземный Мир, где обитают Эрдэг и его бессмертная невеста среди мошек и блох, и мёртвых человеческих душ».

Я сделала вид, будто меня тошнит, и сморщила нос, но блох всё равно было немного жаль. Хоть они и доставляли нам немало хлопот, особенно летом, я не думала, что они заслуживают того, чтобы быть подле Эрдэга и его армии трупов.

– Тише, – пробормотала Вираг без своего обычного пыла. – С того места Вильмёттен мог видеть на много миль, до самого края мира. А потом он увидел ещё дальше... увидел, что было и что будет.

– Что же он увидел? – спросила я, но Вираг не ответила.

Она сказала лишь, что когда Вильмёттен вернулся на землю, то почувствовал себя очень одиноким, потому что увидел такое, чего никто больше увидеть не мог. Он решил не возвращаться к себе в селение, а вместо этого продолжал свои странствия, благословлённый и проклятый тем, что показал ему турул.

Это сказание мне понравилось, и я часто просила Вираг рассказать ещё раз, но почти всегда она отказывалась. Мне понравилось, что даже при всей своей силе и славе Вильмёттен тоже был одинок. Лелея горькую едва живую надежду, я взобралась на самое высокое дерево, какое только нашла за пределами Кехси, пытаясь разглядеть отблеск ярких огненных перьев.

– Легенда о туруле – источник нашей магии видения, – говорю я Гашпару, проглатывая горечь воспоминаний. – Проявление магии Иштена. Этой силы жаждет король?

– Он уверен, что только так он сумеет одолеть Мерзан. С помощью магии... – Гашпар скривился, произнося это слово, – он мог бы предугадывать каждый их шаг заранее. Какой дорогой пойдут их солдаты, как устроить на них засаду по пути. Где проходят их пути снабжения и как их отрезать. Отец узнает их военную стратегию прежде, чем бей даже поднимет перо, чтобы подписать приказ.

При одной мысли о туруле как об оружии в кровавой войне короля, у меня внутри холодеет. И что хуже, я понимаю, что это значит для Кехси.

– Вот почему ему нужна была видящая.

Гашпар кивает, и я вижу, как он с отвращением хмурится. То священное отвращение, которое их бог велит им испытывать каждый раз, когда они говорят о языческих мифах или о возможной пользе волчиц.

– Он верит, что Сила видящей поможет ему сдерживать армию Мерзана, пока он не найдёт турула.

Гнев вскипает в моих жилах с такой силой, что я сама изумлена. Старое воспоминание и покой, который оно дарило, развеивается, и что-то чёрное вьётся по его краям.

– Король всячески демонстрирует, как сильно ненавидит язычников, и вместе с тем жаждет нашей нечистой магии. Он – лицемер.

Гашпар опускает взгляд, разглядывая свою рану. Кровь стекает по его доломану, и в его единственном глазе отражается такая беспомощность, что я ощущаю укол жалости.

Изгоняю это неуместное чувство так быстро, как только могу.

– Да, – наконец отвечает Гашпар. – Каждый день он молится Крёстному Жизни, чтобы тот простил его за эту двуличность.

До этого мига он говорил о Барэнья Яноше как о короле, великом и устрашающем правителе Ригорзага, чьи руки обагрены кровью язычников. Но сейчас он говорит о Барэнья Яноше как об отце – о человеке, которому доступно искупление. Это не должно трогать меня. Напротив, я должна испытывать желание воткнуть нож в его здоровый глаз... но вместо этого у меня сжимается в груди.

Гашпар всё ещё разглядывает свою рану, и в тот миг я вдруг понимаю, что он собирается сделать.

– Вот почему ты не вернёшься в Кехси. Ты поможешь мне найти турула.

На этот раз я могу лишь невесело рассмеяться. Говорю ему:

– Я думала, ты умный солдат. Но, оказывается, ты просто глупый принц.

– Я знаю, где искать, – говорит он с таким жалким несчастным упрямством, что будь он кем-то другим, он мог бы мне понравиться. Будь он кем угодно, только не Охотником. – В Калеве.

Фыркаю:

– И отчего же ты так уверен?

– Потому что Охотники много месяцев прочёсывали другие регионы и не нашли даже следа. Это должно быть в Калеве.

Так вот что делают Охотники, когда не заняты убийством чудовищ Эзер Сема или похищением нас, волчиц, из нашего селения, – охотятся за мифическими созданиями, в которых им не полагается верить. Интересно, как им удаётся сохранить веру? Как удаётся остаться обманутыми грубой хитростью короля? Их должно вести что-то глубже, сильнее, чем материальное вознаграждение или смертная слава – иначе королю придётся беспокоиться не только об армии Мерзана. Гашпар смотрит на меня, с вызовом прищурив глаз.

– Это – самый глупый логический довод, который я когда-либо слышала, – говорю я наконец.

Гашпар втягивает голову в плечи.

– А тебе-то откуда знать? Волчице из крошечного селения, которая никогда не ступала за пределы Эзер Сема.

– Я знаю больше, чем изнеженный одноглазый принц, – отрезала я. – Во-первых, ты не знаешь наверняка, что турул находится в Калеве. То, что какие-то неумелые Охотники не могут найти его в других местах, не означает, что его там нет. Кроме того, ты прибудешь в Калеву с наступлением зимы. Твой лучник мёртв, а если с луком и стрелами ты управляешься так же неумело, как с этим топором, – не думаю, что ты проживёшь долго.

Ветер дует с озера, бросает мне в лицо влажные пряди волос. Гашпар всё смотрит и смотрит на меня, а его шаубе взъерошен, словно чёрные перья ворона. И почему-то он кажется меньше, хотя, наверное, на целую голову выше меня.

– Разве ты не сделала бы ради отца всё, что угодно?

Его вопрос – удар в спину. На мгновение, из чистой злобы, от которой сбивается дыхание, я возвращаюсь к мысли убить его.

– Откуда мне знать, – горячо отвечаю я. – Я никогда с ним не встречалась. Моя мать была язычницей, которую Охотники увели, когда мне было десять. Мой отец был сборщиком податей из народа Йехули.

– Королевство не взимает подати с Кехси.

– Уже нет, – по крайней мере, не деньгами, ведь его отец ввёл традицию красть волчиц. – Но одно время вместе с отрядом Охотников посылали сборщиков податей из Йехули. Так он и познакомился с моей матерью.

Гашпар хмурился. Меня не должно волновать, считает ли он, что я лгу, но из собственного упрямого раздражения я перекалдываю кинжал в правую руку, а левой лезу в карман. Протягиваю ему золотую монету липкими дрожащими пальцами, касаясь большим пальцем гравировки. Там отпечатаны буквы на языке Йехули, но я не могу их прочесть.

– Мой отец сам чеканил эту монету, – говорю я. – Подарок моей матери, который она отдала мне до того, как люди *твоего* отца увели её на верную смерть.

Гашпар с огромным интересом разглядывает монету, складка меж его бровей разглаживается. Его губы чуть размыкаются, и в тот миг я почти верю, что передо мной просто молодой мужчина, а не чёрный принц и не убийца-Охотник. Он поднимает взгляд:

– Эта монета была выкована в Кирай Секе. Ты знаешь, как зовут твоего отца?

– Жигмонд, – отвечаю я. – Жидо Жигмонд.

Это одна из немногих вещей, которые я о нём знаю. Мать редко рассказывала о нём, а если и рассказывала, то лишь приглушённым стыдливым шёпотом. Йехули не поклоняются Принцепатрию, но король любит их больше, чем язычников, и потому они настолько же отвратительны жителям Кехси. И то, что король нанимает их в качестве сборщиков податей, казна-

чеев, купцов – на всю работу, которую патрифиды считают греховной, – лишь усиливает это отвращение.

В глазах язычников Йехули – предатели, рабы патрифидских тиранов, и к тому же рабы добровольные. Я вспоминаю слова Котолин – годы и годы подколок и оскорблений.

«Твоя кровь осквернена, вот почему ты бесплодна».

«Иштен никогда бы не благословил отродье Йехули».

«Ты родилась, чтобы лизать сапоги Охотникам».

Я вдруг вспыхиваю от стыда и быстро прячу монету обратно в карман. Прежде я никогда никому её не показывала и не уверена, зачем показала её сейчас этому Охотнику.

Ожидаю, что Гашпар сейчас тоже скажет что-то глумливое о Йехули или спросит, зачем я все эти годы хранила монету. Вместо этого он смотрит на меня странно, пристально.

– А ты, стало быть, хорошая охотница?

– Отличная, – самодовольно поправляю я, хоть и не понимаю, почему его вообще интересуют мои охотничьи навыки. – Но я не пойду с тобой. Уж лучше я буду заживо съедена в Эзер Семе, чем замёрзну насмерть на Крайнем Севере.

– Если ты не пойдёшь со мной, у меня не останется выбора, кроме как отвезти тебя в Кирай Сек, – говорит он. – А ты можешь уже сама объяснить королю, почему твоя старуха пыталась его обмануть. Предупреждаю, он не любит языческие уловки.

– Да, он любит только наше волшебство, – с горечью отвечаю я, но сердце у меня колотится. – Ты не посмеешь явиться в столицу, когда весь твой отряд погиб, а с собой ты притащил только бесполезную волчицу. Король будет в ярости, и как ты сумеешь объясниться?

– Не сумею, – признаёт он. – В таком случае, тебе остаётся надеяться, что его гнев на меня будет сильнее, чем его презрение к язычникам Кехси. – Голос Гашпара ровный, и я понимаю, что это скорее его придворное красноречие – каждое слово гладкое, словно речные камни. – Ему не придётся обратить ваше селение в пепел, чтобы пояснить свой взгляд на вещи. Всего несколько расчётливых убийств... может быть, твоя старуха? Ты сама сказала, она слишком слаба, чтобы быть ему полезной.

Ярость, вспыхнувшая во мне от его слов, пронизана замешательством. Сколько лет я проклинала Вилаг за её порки, ненавидела Котолин за её безжалостную жестокость, и никого в Кехси не любила, кроме Бороки. Но я не горжусь своей ненавистью. В конце концов, если я не одна из язычников, я не уверена, какому народу вообще принадлежу.

Моя рука перемещается от монеты к маминой косе, дрожа от злости.

– Или я могу просто сбежать, – вызывающе отвечаю я. Снова думаю о ноже, зажатом в руке, о том, как клинок мог бы встретиться с какой-нибудь податливой, уязвимой частью его тела – мясистый изгиб колена, внутренняя часть бедра. Чтобы болезненно, но не смертельно – рана, которая задержит его и не даст меня догнать.

– Тогда ты точно решишь судьбу своего селения. – Гашпар вздыхает, проводя ладонью по своим тёмным кудрям. Когда его волосы в таком беспорядке, он меньше похож на Охотника и совсем не похож на принца. – Кроме того, если тебя хоть немного заботит народ твоего отца, ты должна сильнее желать, чтобы король оставался у власти. В Кирай Секе есть те, кто представляет угрозу для Йехули.

Передо мной всплывает бледное лицо Пехти, имя, которое он выкашлял вместе с кровью и желчью.

– Ты имеешь в виду Нандора?

Гашпар коротко кивает.

– Твоего брата, – уточняю я.

– Единокровного брата, – быстро поправляет Гашпар. – Если ты считаешь моего отца набожным фанатиком... у него нет даже искры пыла Нандора или его дара увлекать за собой толпу. Нандор читает проповеди на улице, собирая себе последователей, которые хотят обви-

нить язычников или Йехули во всех несчастьях Ригорзага. И эти мнения не так уж непопулярны в столице, особенно учитывая, что армия Мерзана уже у нас на пороге.

При упоминании Мерзана он чуть запинаясь. Чувствую укол вины, когда невольно задаюсь вопросом, связан ли эпитет «чёрный принц» с его облачением Охотника или с тем, что в его жилах течёт запятнанная мерзанская кровь. Интересно, касается ли он когда-нибудь своего лица, обрисовывая черты, пытаюсь найти в них что-то от своей матери, и чувствует ли в итоге в равной степени облегчение и огорчение. У нас в Кехси не было зеркал, но я могла часами стоять на коленях на берегу реки, наблюдая, как моё отражение искажается и сморщивается, словно вышивка на шёлке, и ломая голову над тем, достался ли мне нос от матери или от отца и что это может означать.

Не было ответа, который нетрудно было бы сглотнуть. Почти говорю ему это, прежде чем вспоминаю, что он мне не друг.

– Нандор – не принц, – говорю я. – Принц – ты.

Губы Гашпара сжимаются в тонкую линию. На мгновение мы оба замолкаем, слышим тихий плеск озёрной воды, пенящейся вдоль береговой линии.

– Всё не так просто, – говорит Гашпар, словно ставя точку. – Линия наследования не имеет значения, когда за тобой идут тысячи крестьян, секта Охотников шёпотом повторяет твоё имя, а королевский совет взвешивает все «за» и «против» мятежа. Не говоря уже о том, что Иршек каждый день молится о том, чтобы ты занял трон.

Его голос звучит всё твёрже, острее, и к концу фразы отточен, словно лезвие его топора. Пальцы Гашпара сжимают рукоять, и хотя я знаю, что в его руках – судьба моего селения, народа моей матери, теперь я с тревогой понимаю, что в его власти может быть и судьба моего отца. Вспоминаю оскал Пехти, горящие белки его глаз, когда он навис надо мной в темноте. Чувствую жжение раны на горле. Холодею при мысли о том, каким жестоким должен быть человек, которого Пехти боготворил.

Возвращается прежняя неуверенность. Быть может, я не имею права волноваться о судьбе Йехули, когда единственная тонкая нить, связывающая меня с ними, – это монета, гравировку на которой я не могу прочесть, и отец, которого я едва помню.

– Но ведь ты принц, – говорю я, на этот раз неуверенно. – А твой отец – король...

– Не желает называть бастарда своим преемником, и всё же давление нарастает с каждым мигом, с каждым солдатом из Рийар, убитым на передовой, – заканчивает Гашпар. Его пальцы, затянутые в перчатку, стали скользкими от крови – его собственной крови. – Меньше чем через месяц Кирай Сек будет отмечать День Святого Иштвана, который Нандор также назначил своими именинами. Если он и выберет миг, чтобы бросить вызов, – это случится именно тогда.

В голове у меня затуманивается. Внезапно всё забытое изнеможение накатывает с новой силой, и я делаю вдох, фокусируя взгляд, чувствуя, как расплываются границы зрения.

– Ты полагаешь, Нандор... что? Попытается убить короля на празднике?

– Есть Охотники, которые поддержат его притязания. И, насколько могу судить, несколько членов совета тоже. А ещё, конечно же, Иршек. Поддержка у него есть. Ему нужна лишь подходящая возможность.

Выдыхаю.

– А король, что же, просто попивает вино или занимается рукоделием, пока в городе назревает восстание?

– Король скован своими ограничениями, – отвечает Гашпар, и его голос звучит ровно. – Но он – единственная надежда для Ригорзага и для твоего собственного народа... и для язычников, и для Йехули. Уверен, вы бы предпочли отдавать в год по волчице, чем видеть, как всю вашу деревню вырезают и сжигают, или как Йехули изгоняют из города.

Его слова сворачиваются во мне клубком недоумения и страха. Всю свою жизнь больше всего на свете я ненавидела Охотников и, пожалуй, короля, похожего на одну из теней, дви-

жущихся вдоль деревьев за пределами Кехси – слишком тёмная и далёкая, чтобы разглядеть. Услышать, что король – мой возможный спаситель, представить, что я могу сыграть хоть небольшую роль в том, чтобы он сохранил трон? При этой мысли голова кружится, а что-то внутри сжимается от отвращения.

– Турул, – медленно произношу я, стараясь не вспоминать Вираг. – Полагаешь, он дарует моему отцу силу подчинить себе Нандора? И даже положить конец войне?

Гашпар кивает. Его зубы стиснуты, и взгляд твёрд, словно кремь. Когда наши глаза наконец встречаются, кажется, сила воздействия изумляет нас обоих. Мои пальцы сжимают монету в кармане.

– Хорошо. Я пойду с тобой. Помогу тебе найти турула. Но тебе придётся сделать для меня кое-что взамен.

– Если ты поможешь мне найти турула, ты сможешь вернуться в Кехси целой и невредимой.

Качаю головой. Этого недостаточно.

– И *никого* не накажут за мой обман.

– Хорошо, – эхом отзывается Гашпар.

– Ещё кое-что, – добавляю я, чувствуя, как сердце бьётся сильнее. – Я желаю знать, что король делает с девушками и женщинами, которых забирает.

Гашпар сморгнул. Ноздри у него раздуваются, словно он собирается протестовать. Губы размыкаются, снова смыкаются. Несколько мгновений он даже не шевелится, но потом протягивает руку.

– Хорошо, волчица, – отвечает он наконец. – По рукам. Никто не причинит вреда ни тебе, ни твоей деревне. А когда мы найдём турула, я расскажу тебе, что происходит с язычницами, которых привозят в столицу.

Я вынуждена отпустить монету, чтобы взять его за руку. Хватка у него крепкая, а перчатки мягкие. Кто-то, наверное, зарезал новорождённого телёнка, чтобы перчатки получились такими мягкими. Когда я убираю руку, чувствую, что в складках на ладони осталась запёкшаяся кровь.

– Если не перевяжешь рану – последуешь за Пехти в могилу, – говорю я, и мой голос даже по мне звучит странно. Не хочу, чтобы он принял мою практичность за искреннее беспокойство.

Гашпар смотрит на три пореза на боку, потом снова переводит взгляд на меня.

– Так ты всё-таки целительница?

– Нет, – отвечаю я, стараясь не краснеть при очередном напоминании о собственной бездарности. – Но моя... Вираг научила меня перевязывать раны.

Он втягивает голову в плечи, вдруг резко выдыхает.

– Тогда ты могла бы помочь нам перевязать рану Пехти. Ты могла бы спасти его.

Хрупкое чувство товарищества, которое я, возможно, начала испытывать, оставило меня без следа.

– Зачем мне помогать спасать жизнь человеку, который пытался меня убить? И если уж ты не хотел, чтобы он погиб, – не нужно было отрубать ему руку!

– За измену полагается кара. – Голос Гашпара звучит тихо, низко.

– Эти твои мрачные заявления – совсем как у Вираг, – огрызаюсь я. – Тебе нравится быть настолько же драматичным, как столетняя ведьма-язычница? Мог бы вместо этого отрубить ему башку. Тогда б он хоть не страдал, а мне бы не пришлось на это смотреть.

Между нами повисает молчание. Гашпар делает шаг вперёд, и на мгновение я задаюсь вопросом, достаточно ли причин у него, чтобы не забыть о нашей сделке и не вогнать мне топор в спину. Но, прежде чем приблизиться ко мне, он сжимает кулак.

– Ты не понимаешь, волчица. Забрать руку Пехти было милостью, чтобы спасти и его душу, и мою. Теперь же он должен предстать пред судом Принцепатрия за своё преступление, а моя душа очернена его смертью.

Смотрю на него, разинув рот.

– Значит, тебя так тревожит судьба твоей души? Лучше заставить человека страдать, чем нести вину за его убийство? Ты прав... без меня в Калеве ты и дня не протянешь.

– Убийство – смертный грех, особенно убийство человека веры. – Взгляд Гашпара острый, словно наконечник стрелы. – Лучше ранить, чем убить, и лучше страдать, чем умереть без покаяния. Пехти никогда не отпустят грехи, и Принцепатрий накажет его в Подземной жизни.

подавляю смехок:

– Но Принцепатрий не испытывает угрызений совести по поводу похищений волчиц. А привязывать меня к умирающему, заставлять слышать каждый его стон боли... ещё одна жестокость, не требующая покаяния.

– Это была идея Фёрко. – Гашпар опускает взгляд. – Не моя.

– Тогда ты не только жестокий, но и бесхребетный! – Лицо у меня горит. – Ты всегда позволяешь своим людям направлять взмах твоего топора?

– Уже нет, – коротко отвечает Гашпар. – Теперь они мертвы.

В животе чувствую тяжесть, словно проглотила камень. Фёрко и Имре лежат у костра, в могиле из влажной от крови травы. Туман над водой рассеялся. Тонкие лезвия лунного света струятся по её поверхности так, что она делается серебристой, яркой, словно зеркала. С места, где я стою, кажется невероятным, что кто-то мог назвать озеро Чёрным.

Гашпар решительно направляется к трупам, и я следую за ним. Прежде чем он успевает сказать хоть слово, я хватаю лук и колчан Фёрко и закидываю себе на спину. Знакомый вес – утешение, словно песня, которую я никогда не забуду.

– Их нам тоже нужно сжечь? – спрашиваю я.

– Да, – отвечает он и преклоняет колени рядом с телами, соединяет ладони. – *Magvili laigit.*

Нить пламени прошивает изуродованное лицо Фёрко и его окровавленный шаубе Охотника. Сердце Имре в свете пламени делается багровым, словно синяк размером с кулак. Воздух наполняется чем-то жарким, ужасным, и вдруг мой собственный плащ делается слишком тяжёлым, а волосы, липнущие к шее, – слишком тёплыми.

За нами высится лес Эзер Сем, но впереди лежит Малая Степь. Нас разделяет лохматое лоскутное одеяло снегов и ледяные плато. На Севере зима уже треснула, как перепелиное яйцо, рассыпая лёд и снег.

– Если мы направляемся в Калеву, карта нам не нужна, – говорю я. – Будем идти на север, пока не упрёмся.

Гашпар поднимается на ноги. Раны на груди по-прежнему кровоточат. Его кожа под коркой крови и потрёпанными лоскутами доломана оливковая, и под ней бугрятся мышцы. Мои пальцы крепче сжимают рукоять ножа – его ножа. Конечно же, он не хочет, чтобы я перевязывала его. Если Принцепатрий действительно ведёт список грехов, интересно, насколько счёт Гашпара пополнится прикосновением волчицы?

Сделка между Охотником и волчицей уже кажется делом хрупким и ужасающим. Чей бог бы одобрил такое?

Ни с того ни с сего краснею, когда Гашпар проходит мимо и старается, чтобы наши плечи не соприкоснулись. И лишь когда мы оба садимся на коней, смотрю на свои руки. Его кровь – всё ещё на моих ладонях.

Глава пятая

Перед нами расстилается Малая Степь, жёлтая, бескрайняя, испещрённая прожилками лилового чертополоха и странных чёрных деревьев. Мутный солнечный свет просачивается сквозь пелену облаков, жидкую, как бульон от гуляша. Последние осенние мухи выются у нас над головой, напевая свои гнусавые прощальные песни, и их радужные крылья трепыхаются. Никаких других звуков, кроме тихого стука копыт наших коней и воя ветра, прижимающего траву к суглинистой земле.

Есть что-то особенное во всём этом бесконечном открытом пространстве, от чего внутри разверзается зияющая пропасть, чистая и опустошённая. Я привыкла к тесному скоплению деревьев, к удушливым объятиям коры и колючих зарослей.

– Уж лучше лес, – вслух отмечаю я, пока трава рисует взъерошенные тени на боках наших коней.

Гашпар удивлённо приоткрывает рот.

– Как ты можешь такое говорить? Ты же видела, что случилось с Фёрко и Имре. Твой народ и правда такой чёрствый, как рассказывается в историях Охотников.

Беру себе на заметку никогда больше не вести себя с ним легкомысленно. Но все годы, проведённые рядом с Вираг, научили меня сдерживать праведный гнев. Заставив свой голос звучать тихо и мягко, спрашиваю:

– Что это были за твари у озера? У Охотников есть список всего, что они убивают в лесу?

– Это были чудовища, – бесстрастно отвечает он. – Иные Охотники зовут их *лидерцек*. Неважно. Бесполезно давать злу имя.

Его холодные высокомерные интонации раздражают меня, особенно после всей его болтовни об очернении души.

– Ты называешь ястреба злом, когда он ловит мышь, чтобы съесть? Называешь злом пламя, которое сжигает твои дрова дотла? Зовёшь злом ночное небо, когда оно выпивает день? Конечно же нет. Они выживают, как и все мы.

Я сама удивлена яростью в своём голосе и тем, насколько я сейчас похожа на Вираг.

– Нет, не думаю, что ястреб – зло, – через паузу отвечает Гашпар. – Но я – не мышь.

– И слава Иштену, что нет, – говорю я. – Мыши не могут позволить себе роскошь судить о морали каждого живого существа, с которым сталкиваются. Мышей просто едят.

Гашпар застывает в седле.

– Принципатрий требует моральной стойкости от всех Своих последователей. Это лучшее, что мы можем сделать, чтобы вылепить себя по Его подобию.

– И он награждает вас слабенькой огненной магией?

Конечно, сама я не могу зажечь даже спичку, но если цена силы Охотника заключается в том, чтобы связать себя с каким-то мрачным безжалостным богом, который требует чистоты и совершенствования, – не уверена, что оно того стоит. В сравнении с этим наши боги требуют совсем мало: улыбок на бесконечные сказания Вираг, принесения в жертву лесных птиц на берегу реки. Жалкие занятия, на которые я каждый раз ругалась и внутренне протестовала, хотя и то и другое предпочтительнее, чем расстаться с мизинцами на руке или на ноге.

– Он награждает нас спасением. – Лицо Гашпара каменеет, но он чуть запинаясь. – Тебе не понять.

– И хорошо, что нет, – отвечаю я, чувствуя гневный зуд в коже. – Я рада, что не проживаю свою жизнь во власти бога, который отбирает части тел у десятилетних мальчишек.

Гашпар отворачивается от меня так, что я могу видеть лишь нетронутую половину его лица и мимолётную тень стыда, мелькнувшую на нём.

– Если будем продолжать в том же духе, – медленно произносит он, – наше путешествие будет очень долгим.

Стискиваю поводья коня так сильно, что белеют костяшки пальцев. В следующий миг позволяю мышцам расслабиться; мои плечи под волчьим плащом опускаются.

– Отлично, – говорю я, а сама думаю: «Глупый принц».

Ночь кажется туманной и неполной в степи, совсем не похожей на густую черноту леса. Фонарь Гашпара испускает длинные лучи света, прокладывая путь сквозь траву. Дальше впереди виднеется ещё один источник света – просто мутное оранжевое пятно на горизонте. Мы с Гашпаром обмениваемся неуверенными взглядами. Наконец он коротко кивает, и мы идём на свет, который с каждым шагом становится всё ярче.

Во мгле и мраке стоит ряд шатров – угловатые треугольники, похожие на плавники какого-нибудь невероятно большого речного карпа. Рядом – стадо бледно-серых коров с причудливо закрученными, как корни деревьев, рогами. Похожая на швабру собака с выющейся шерстью скулит при нашем приближении; мокрый нос подёргивается. В центре группы палаток располагается массивный очаг, излучающий оранжевый свет, а над огнём – скульптура из тонких палок, грубо вырезанная в форме трёхконечного копья Принципатрия.

– Не думаю, что мы можем просить их о гостеприимстве, – бормочу я.

Огонь выплёвывает искры, похожие на стайку расплавленных насекомых.

– Конечно же можем, – возражает он. – Я – принц. И даже лучше – Охотник.

Прежде чем я успеваю ответить, полотно одного из шатров распаивается. К нам выбегает женщина. Её волосы собраны в свободную косу, каштановую с проседью, а взгляд – дикий, бегущий.

– Это Охотник! – восклицает она. – Крёстный Жизни ответил на наши молитвы, мы спасены!

Другие шатры распаиваются, развеваются полотна из телячьей кожи. Выбегают дети, за ними – мужчины и женщины. Деревня бедная, я это сразу вижу – большинство детей одеты в домотканые туники, изъеденные мелкими дырочками. Мужские плащи трещат по швам. Их очевидно отчаянное положение смущает меня, ведь я никогда не задумывалась о бедственном положении таких вот маленьких селений – селений, мало чем отличающихся от Кехси, разве что лишённых магии, способной смягчить голод и нужду.

Гашпар, святой человек, смотрит на женщину, и в его глазах не отражается ничего, кроме сострадания – ни тени хитрости.

– Что здесь произошло?

– Нас поразило ужасное зло, господин Охотник. Мы... – Женщина замолкает, её взгляд падает на меня. Ужас и отвращение заволакивают её лицо, точно тёмные тучи.

– Может, всё из-за этой волчицы! – кричит кто-то в толпе. – Смотрите, у неё на плаще кровь!

«Кровь Пехти, – думаю я, чувствуя, как от гнева перехватывает горло. – Кровь одного из ваших благословенных убийц».

Моя рука тянется к спрятанному в кармане ножу, но первой я нащупываю косу матери – словно маленького спящего зверька.

– Это невозможно, – отвечает Гашпар ласково, но твёрдо. – Эта волчица была у меня под присмотром с тех самых пор, как покинула селение. Она – не ваше чудовище.

«Не ваше чудовище, но всё-таки чудовище».

Минуя мамину косу, нащупываю нож, тру его под жёсткими взглядами этих патрифидов.

– Прошу, господин Охотник, – продолжает женщина. – Ранние морозы погубили весь наш урожай и половину нашего стада, а теперь и наши люди исчезают. Должно быть, это чудовище, которое из Эзер Сема приманил запах нашей крови. На прошлой неделе Ханна ушла и не

вернулась, но мы нашли в воде её окровавленный платок. Потом был Болаз – мы нашли лишь его косу и мотыгу. А прошлой ночью крошка Эсти ушла из деревни поиграть и до сих пор не вернулась. Мы вообще не нашли её следов.

Чувствую, как на шее сзади поднимаются волоски. Единственными живыми существами, которых мы встретили на пути, были вороны, но, насколько я знаю, вороны столь же иллюзорны, как и те чёрные куры: готовы обнажить клыки и когти, как только сядет солнце.

– И вы были тверды в своей вере? – спрашивает Гашпар.

– Да, господин, – отвечает женщина. – Всё это время наш костёр горел ровно, даже когда дров и хвороста не хватало. Это просто не может быть наказанием от Принцепатрия, иначе бы Он забрал и наш огонь. Это, должно быть, дело рук Танатоса.

Жители тревожно переговариваются, соглашаясь, а выражение лица Гашпара из серьёзного становится суровым – черты лица резче, жёстче. Я мало знаю о Патрифидии, но помню, что Танатос – нечто такое, чего нужно бояться больше всего, нечто, склоняющее всех добрых последователей Принцепатрия к злу и греху.

И выслушав всё это, хочу посмеяться над их патрифидскими сказками. Людям не нужен какой-нибудь демон из тени, склоняющий и соблазняющий к злу; мы и без того по природе своей неразумны. Даже Иштен и другие боги подвластны жадности и желанию, могут сорвать с неба звезду или овладеть какой-нибудь девой у реки.

И всё же Гашпар произносит:

– Я поговорю с главой вашей деревни. Я пойду на поиски чудовища, охотящегося на вас, и убью его. Но сейчас уже темно. Нам нужно место для ночлега.

Его гладкий переход от единственного числа к множественному никого не удивляет больше, чем меня саму. Женщина, сузив глаза, окидывает меня взглядом с головы до ног. Жители всё шепчутся и шепчутся, мужчины нервно поглаживают бороды. Я открываю было рот, чтобы возразить, но блестящие улыбки их серпов и кос останавливают меня. Не уверена, что мне стоит рисковать произносить даже слово перед этими патрифидами.

– Хорошо. – Женщина смягчается. – Но вы должны понимать, господин Охотник, наши подозрения оправданны – никто не захочет спать рядом с волчицей.

– Конечно, – отвечает он. – Всё время нашего пребывания я буду тщательно за ней наблюдать. Я везу её как служанку в крепость графа Коронена. Для своего народа она на удивление кроткая.

Мне требуется вся моя выдержка, чтобы не сбросить его с коня, особенно когда он тайком коротко кивает мне, словно предупреждая не рисковать и не вмешиваться в его ложь. Женщина сияет.

– Это так чудесно, когда язычники находят способ искупить свои грехи, – говорит она. – Крёстный Жизни милосерден и может принять её как служанку.

Бросаю на Гашпара убийственный взгляд. Мы оба спрыгиваем на землю и пробираемся через толпу жителей. Они легко расступаются – то ли из уважения к Охотнику, то ли от ужаса их воображения перед моей языческой магией. Конечно, им нечего бояться, кроме маленького кинжала и моего неуклюжего обращения с ним, но я улыбаюсь, демонстрируя все свои зубы.

Староста деревни – Койетан, молодой человек с рыжей бородкой и румяным лицом. Я озадачена его возрастом, его гладким лбом без единой морщинки. Мне казалось, что старосты деревни все как Вираг. Но пусть Койетан даже близко не достиг возраста Вираг, он по крайней мере вполнину настолько же своенравный.

Его шатёр – самый большой в деревне, просторный, обращённый в сторону солнца на востоке, но он даже не предлагает нам коровью шкуру, чтобы сесть. Вместо этого он мрачно сидит на своём коврикe из шкуры, и шерсть на его белом шаубе топорщится.

– Расскажи им, Койетан, – говорит женщина по имени Доротья. – Расскажи им о зле, постигшем нашу деревню.

– Больше рассказать нечего, – говорит Койетан, погрузив в ведро колодезной воды ржавую жестяную кружку. Он поднимает кружку ко рту, опустошает её и продолжает: – Люди исчезали. Старуха, молодой мужчина и девочка. Но я сомневаюсь, что Охотники нам помогут – не осталось ни следов, по которым можно пройти, ни тел, которые можно похоронить. Кроме того, у нас едва ли найдётся еда, которую мы могли бы пожертвовать двум таким гостям. Зима близко. Мне тут не нужно ещё больше голодных ртов.

Бросаю взгляд на Гашпара, ожидая его ответ. Предвкушаю, как он представится Барэнья Гашпаром и как униженно будет смотреть Койетан, когда узнает, что он отказал в пище и ночлеге не кому-то там, а законному принцу Ригорзага.

Гашпар вскидывает голову.

– Понимаю ваши опасения, – отвечает он. – Но я не оставлю добрых благочестивых людей страдать. Дайте нам ночлег на сегодня. Мы сами найдём себе пищу, а завтра я выслежу и убью ваше чудовище.

Койетан издаёт странный гортанный звук.

– Почему вы так уверены, что сумеете его найти?

– Крёстный Жизни направил меня в эту деревню не без причины, – отвечает Гашпар. – Я исполняю Его волю, и потому не могу потерпеть неудачу.

– Хотите сказать, вы более праведны, чем мы? – Глаза Койетана горят, но, несмотря на его самодовольство, в его шаубе застряли комья грязи. – Что добьётесь успеха там, где мы потерпели неудачу, потому что Крёстный Жизни даровал вам больше благословений? Мы не Охотники, господин, но я не потерплю, чтобы вы подвергали сомнениям нашу преданность Принцепатрию.

– Койетан, – тихо зовёт Доротья, и в её голосе – предупреждение.

Гашпар приближается к старосте, который как раз поднялся на ноги. Кладёт ладонь на плечо Койетана и говорит:

– Я многим пожертвовал, чтобы получить такие благословения.

В следующий миг, готова поклясться, он поворачивает лицо так, чтобы половина со шрамами была лучше видна в свете огня. Койетан встречает взгляд Гашпара с вызовом, но его пустозвонство быстро сходит на нет.

– Только на одну ночь, – бормочет он. – И я хочу, чтобы волчица была связана.

Я не повторю одну и ту же ошибку дважды. Когда Койетан приближается ко мне с верёвкой, я бьюсь и кричу так громко, что все замирают, словно перепуганные цыплята. Я рада, что удалось испортить историю Гашпара о том, будто я особенно кроткая волчица, бессловесная и послушная, редкая жемчужина в моём народе. Не желаю думать о себе так, пусть даже в выдуманной просчитанной истории. И я не позволю Охотникам забрать у меня и это, мою суть.

Когда они наконец оборачивают верёвку вокруг моих запястий, на щеке у меня синяк, но я всё ещё выкрикиваю проклятия. Гашпар бледен и выглядит несчастным. Койетан кипит от гнева. Доротья ведёт нас к пустому шатру, стараясь держаться от меня на расстоянии.

– Это был шатёр Ханны, – говорит она. – Сейчас он, конечно, пустует.

Стараюсь не допустить, чтобы нотки печали в её голосе охладили мой гнев.

– Благодарю, – говорит Гашпар. – Ваше гостеприимство драгоценно.

– Мы предлагаем не так уж много, – отвечает она.

– Более чем достаточно. – Он чуть кивает. – Да убережёт тебя Крёстный Жизни.

– Да пощадит вас Крёстный Смерти, – отвечает она инстинктивно, заученно. Затем, пригнувшись, она выходит из шатра, оставив нас с Гашпаром наедине.

Как только она уходит, перевожу на него лютый взгляд, рычу:

– Сними это с меня.

Гашпар поджигает губы. Его призрачная ухмылка всё ещё злит меня. Он стоит на другом конце шатра, скрестив руки, и говорит:

– Тебе придётся проявить больше смирения.

– Смирения? – бросаюсь на него. Не будь у меня связаны руки, я могла бы стиснуть его горло. – Не пичкай меня своей патрифидской чушью, особенно после того, как подвязал меня на бой с чудовищем.

– Тебе не придётся сражаться с ним, – возражает Гашпар. – Не думаю, что селяне вообще пожелают принять твою помощь.

– А ты, можно подумать, без меня способен его хоть чуточку ранить, – яростно выкручиваю запястья – тщетно. – Ты умолял меня помочь тебе найти турула ко Дню Святого Иштвана, а теперь радостно согласился задержаться на боги знают сколько дней в какой-то безымянной деревне, чтобы сразиться с каким-то чудовищем, в существовании которого ты даже не уверен. Что ты пытаешься доказать?

Гашпар вскидывает бровь.

– А что тебе удалось доказать, волчица, кроме того, что ты точно такая же, как те язычники, которых эти селяне боятся? Яростная, дикая, не наделённая ни моралью, ни здравым рассудком? Ты ничего не выиграешь, лишь подтверждая худшие предположения других о тебе.

Презрительно смеюсь:

– Попытками доказать ложность этих предположений я тоже ничего не выиграю. Я могла бы быть самой смиренной, униженной волчицей, которую ты когда-либо видел, – и это ничего бы не изменило. Думаешь, Святой Иштван останавливался, чтобы оценить характер каждого язычника, прежде чем сражал его мечом? Думаешь, его заботило, насколько беззубыми были их улыбки?

Гашпар стискивает зубы, но не отвечает. Вспоминаю, как он запнулся на слове «мерзанский». Неужели он провёл всю свою жизнь, ползая, пресмыкаясь перед каждым мужчиной и женщиной, которые презрительно кривили на него губы? Эта мысль меня успокаивает, чуть притупляет острый гнев.

– Развяжешь меня, пожалуйста? – сквозь зубы прошу я наконец.

Видю, как его плечи расслабляются, и он вздыхает. Гашпар пересекает шатёр в один шаг и начинает ослаблять верёвку на запястьях.

– Утром мне придётся завязать её снова, ты же понимаешь.

– Неважно. Знаешь, как сложно чесаться, когда руки связаны?

– Честно говоря, нет.

Хмурясь, разминаю свободные пальцы.

– Счастливый.

Шатёр в самом деле маленький – коровьи шкуры и шерстяные покрывала, натянутые вокруг маленького очага. Гашпар соединяет ладони, чтобы зажечь пламя, и огонь рисует мутные подвижные тени на стенах из шкур. Подвигаюсь ближе к очагу, чтобы согреть щёки и порозовевший от холода нос.

По-прежнему не желая мириться, заявляю:

– Не уверена, что ночёвка здесь лучше, чем в степи.

Гашпар бросает на меня суровый взгляд:

– Но ты, кажется, наслаждаешься огнём.

– Там мы тоже могли бы разжечь костёр.

– Но без крыши над головой.

– Тебе просто хотелось представить меня судомойкой. Как я буду мыть полы в наказание за мою нечестивость, – коротко, невесело смеюсь. – Неужели для того король и забирает девушек из Кехси? Чтобы чистили ему ночной горшок?

– Нет, – отвечает он. – И из тебя получится ужасная судомойка.

– Какая жалость. Значит, нет для меня искупления.

– Могло бы быть. – Взгляд Гашпара устремлён на меня, такой пристальный, что лицо у меня вспыхивает. – Крёстный Жизни считает, что искупление доступно всем, никто не безнадёжен.

– А Крёстный Смерти?

У нас в лесном селении мы мало знаем о патрифидской вере, но я рада, что знаю достаточно, чтобы его подколоть.

– Ты не понимаешь. Есть только один бог – две половины одного целого. Крёстный Жизни – податель милосердия, Крёстный Смерти – вершитель правосудия. И справедливость, и милосердие имеют своё место, и я знаю, что Крёстный Жизни даровал бы милосердие и тебе, и тебе подобным, если бы вы пожелали изменить свой образ жизни.

– Две стороны одной медали, – говоря это, кручу в пальцах отцовскую монету, очерчивая непонятные мне выгравированные символы. Язык Йехули на одной стороне, язык Рийар – на другой. Гашпар, не мигая, наблюдает за мной. – Твой бог может оставить своё милосердие при себе. Может, это тебе стоит попросить меня о милосердии, раз уж ты обрёк нас обоих на бой с чудовищем.

– Я не мог проигнорировать их мольбу о помощи. – Гашпар качает головой, словно моя сдержанность ужасно его разочаровывает. – Я принял обет Охотника. А даже если б не принял... это – правильный шаг.

Ох уж это Охотничье благородство. Вспоминаю, как он не стал раскрывать свою личность, как спокойно встретил упрёки и наглость Койетана, и это снова меня злит. Какой смысл в силе и власти, если отказываешься от любой возможности ими воспользоваться?

– Я устала от этого благородного Охотничьего притворства, – говорю ему я. – Ты – принц. Вот и ведай себя как принц.

– Тебе бы очень это не понравилось.

– Почему же?

– Потому что я заткнул бы тебе рот и связал бы тебя за то, что ты разговариваешь со мной так.

Чувствую, как во рту пересохло. Как же глупо относиться к нему как к знакомому, как к союзнику, словно он кто угодно, только не Охотник. Напоминаю себе, что он был слишком юным, чтобы забрать мою мать.

Но ведь мог и забрать.

– Это твои понятия о справедливости? – мрачно спрашиваю я.

– Не мои, волчица. Но, возможно, таковы они у короля. – Он говорит легко, но вижу, как меж его бровей залегла складка. – И как ты заметила, я всё ещё не затыкал тебе рот.

«*Ки́рай Ии Сентии́эг*». Я вспомнила слова, которые выпалил Пехти, когда топор Гашпара навис над ним. Напрягаюсь, пытаюсь вспомнить: королевская власть и божественная – двойное лезвие, разрубающее языческую плоть. Гашпар скидывает шаубе и прислоняет топор к стене шатра. Укладывается на серебристую коровью шкуру, лицом к огню, а не ко мне.

Смотрю на чёрные очертания его тела, на свет, собирающийся в складках его доломана. Я должна думать только о его топоре и об ужасном отсутствующем глазе. Но вместо этого задаюсь мыслью, почему его так сильно заботит его обет и так мало – его корона. Почему он, кажется, полагает, будто легче быть Охотником, чем принцем. Сворачиваюсь на одной из коровьих шкур на противоположной стороне шатра, ближе к огню. Сон окутывает меня прежде, чем я начинаю задаваться вопросом, почему вообще так много думаю о Гашпаре.

Глава шестая

К утру над Малой Степью лежит иней, гирляндами на каждой травинке. Серое небо кажется кипящим, тучи набухли – дурное предзнаменование. Эти знаки, как учила меня Вираг, могут предвещать приход чудовища, но мы с Гашпаром не можем найти ни единого следа.

Степь совсем не похожа на лес – здесь нет дупел, в которых можно спрятаться, нет теней, в которых может скрываться что-то большое с клыками и когтями. Никаких пророческих пятен крови или груд пережёванных костей. Когда мы обходим периметр вокруг деревни примерно на две мили – покачивающиеся вдалеке шатры едва видны, – плечи Гашпара напрягаются от разочарования.

– Не понимаю, – говорит он. – Люди не исчезают просто так.

– Знаю, – отвечаю я. Лес может поглощать всё, но не степь. – Возможно, они лгут.

– Какой прок в этой лжи?

– Возможно, они не придумали подходящего чудовища. Вираг когда-то жила в деревне с одной женщиной, которая была замужем за драконом и даже не знала об этом.

Гашпар поджигает губы.

– Дракон – зверь.

– Раз уж девушки могут быть волчицами, разве мужчины не могут быть зверями? – спрашиваю я. Мои слова заставляют его замолчать, и я продолжаю: – Женщина вышла замуж за мужчину, которого очень любила, хоть он и был из другого селения. Их селение было мирным, потому она больше всех была потрясена, когда деревенские дети вдруг начали пропадать. Родители отчаянно искали их, но находили лишь едва заметные следы волос и костей и молочных зубов. И тут женщина заметила, что её муж начал вести себя странно. И она поняла, что не может вспомнить, как же называлось его родное селение и как они вообще познакомились. Готовая вот-вот расплакаться, женщина села под цитрусовым деревом. Листья у неё над головой зашуршали, она подняла взгляд, и печаль на её лице сменилась ужасом. Знаешь, что она там увидела?

– Тела детей? – невозмутимо уточняет Гашпар.

– Нет. Она увидела семь голов своего мужа, спрятанные среди ветвей, и глаза у всех были закрыты – они спали.

Я почти готова, что он усмехнётся над моими языческими небылицами так же, как я хохотала над его патрифидскими сказками. Но его лицо открыто, выражает почти предвкушение.

– А что случилось потом?

– Женщина собрала все головы, подхватила в руки и отнесла мужу, чтобы с ним разобраться. При виде голов он расплакался, а потом показал ей тела похищенных детей. Все самые мясистые части были объедены. Всё ещё плача, он сказал, что отрезал себе головы, чтобы жениться на ней, а детей убивал и ел лишь для того, чтобы у него не возникало соблазна съесть её саму.

– Жители селения объединились и убили дракона?

– Как ужасно по-патрифидски с твоей стороны, – отвечаю я. – Нет, женщина сохранила тайну своего мужа и кормила его нежными сердечками ягнят.

С наслаждением смотрю, как он хмурится, и стараюсь не обращать внимания на тоску по дому, вспыхнувшую в груди. Воспоминания о рассказах Вираг одновременно острые и сладкие, как вишня. Вспоминаю, как сидела, скрестив ноги, на полу её хижины, держась с Борокой за руки, и слушала, как Вираг забивает нам голову сказаниями о человеко-драконах и богатрикстерах.

К полудню Гашпар так и не выполнил своего обещания убить чудовище. Стараюсь не слишком злорадствовать по этому поводу. Животы у нас урчат. Хотя дичи в Малой Степи мало, и большинство сейчас впадает в раннюю спячку из-за сильного ветра и начинающегося снега, из лука Фёрко мне удаётся убить быстрого зайца, уши у которого с чёрными кончиками. Тихо его свежую и потрошу, пока Гашпар берёт колчан и натягивает лук. Будь я чуть более милосердной, а Гашпар – менее упрямым, я бы предложила поохотиться за него. Но моя доброжелательность испарилась после стольких часов хождений по обдуваемой всеми ветрами степи, и, несмотря на нашу сделку, я полагаю, он всё ещё не желает принимать помощь от волчицы.

С большим усилием он натягивает тетиву до самой щеки и пускает стрелу. Та вылетает, словно птица в пьяном полёте, очерчивает спираль и падает у моих ног. Не в силах сдержаться, смеюсь.

– Надеюсь, принц из тебя лучше, чем Охотник.

Краснея, Гашпар выхватывает стрелу. Он подаётся вперёд, грудь вздымается от тяжёлого дыхания. В холодном дневном свете я вижу розовые ручейки рубцовой ткани, бегущие из-под повязки на глазу. Тёмные ресницы на его здоровом глазу дрожат, словно он едва убеждён в собственной смелости.

– Я – по-прежнему принц, – напоминает он мне низким голосом. – А ты – просто какая-то волчица.

Его бахвальство не вызывает у меня раздражения; во всяком случае, он только что доказал, что даже самые мои бесхитростные насмешки могут его взбесить.

– Тем более. Ох и тяжело тебе осознавать, как сильно я тебе нужна, – говорю я. – Без меня ты не сможешь выжить.

Мои мышцы напряжены – я готова к его ответу. Но глаз Гашпара лишь ещё больше сужается, а по лицу пробегает хмурая тень.

– Моё выживание – по-прежнему залог твоей жизни. Если принц погибнет у тебя на глазах, платить придётся тебе. Скажи мне, волчица, кто кому принадлежит?

Он говорит о принце так, словно это кто-то другой, кто-то, с кем сам он знаком не слишком хорошо. Снова удивляюсь, почему он, кажется, презирает власть настолько же, насколько я её желаю. Но это лишь заставляет моё сердце трепетать от гнева – от настоящего гнева, куда сильнее, чем просто злобное самодовольство.

– Моя жизнь стоит намного меньше твоей, – огрызаюсь я. – Если она принадлежит тебе – значит, ты заключил невыгодную сделку.

Гашпар переводит дыхание.

– Если б дело было только в твоей жизни. Напоминаю, ты поставила на карту будущее всего своего селения, доверив мне защиту от гнева моего отца. Если ты потерпишь неудачу – их жизни тоже будут потеряны.

Его слова хлещут меня, точно хлыст молнии. Как только моя ярость стихает, я краснею со стыда. Он прав – я совершила ужасный, глупый, эгоистичный поступок, связав себя и своих людей с этим колючим Охотником. Бросаю взгляд на его топор и думаю, как это лезвие рассечёт мягкое горло Бороки. Смотрю на его руки, затянутые в чёрные перчатки, и думаю, что именно эти руки тащили мою мать в развернутую пасть леса. Но хуже всего – истина: я сама навлекла на Кехси дурной знак смерти.

– Тогда сам сражайся со своим чудовищем, – отрезаю я, отпрянув. – Сам охоться на своих кроликов и соблюдай свой глупый обет.

Мне всё равно, насколько тщетны мои слова или сколько раздражения звучит в моём голосе. Тащусь обратно в деревню, не оглядываясь; мёртвый кролик болтается у меня в руке. Гашпар окликает меня, но я не слышу.

На то, чтоб вернуться к скоплению шатров, у меня уходит больше часа. Укрощённый гнев внутри нарастает, как клубок непролитых слёз. Кудлатая собака кусает меня за край плаща,

скуля. Шерсти у неё так много, что я не могу различить глаза – только чёрный подрагивающий нос. Тощая овца нервно блеет, глядя на меня, словно не знает наверняка, что волк у меня на спине мёртв. Серебристо-серые коровы жуют свою жвачку, не обращая на нас внимания.

Руки у меня должны быть связаны, но Койетана не видно, поэтому я насаживаю кролика на палку и подвешиваю над огнём. Отступаю на несколько шагов, прикрыв лицо согнутой в локте рукой, но от света и тепла у меня всё равно слезятся глаза. Такой костёр будет согревать деревню всю зиму в степи, где ночи могут быть такими же холодными, как Калева. Чувствую укол удовлетворения, когда вспоминаю, что это – священное пламя Принцепатрия, а теперь оно используется, чтобы язычница наполнила себе брюхо.

Приседаю возле шатра Ханны, чтобы съесть своего кролика. Бросаю собаке печень и сморщенное багровое сердце. Разрываю жирное тёмное мясо руками и проглатываю хрящи, не разжёвывая. Мне как-то доводилось высасывать мозг из кроличьих костей, в разгар одной из наших самых скудных зим, но сейчас я не в таком отчаянном положении.

Покончив с кроликом, облизываю пальцы и достаю отцовскую монету. Сколько раз я очерчивала пальцами выгравированные символы, пытаюсь понять их смысл – словно голодный, пытающийся выдоить молоко из камня. С одной стороны был выгравирован профиль короля Яноша, с его царственным носом и пышными усами. Пытаюсь обнаружить сходство между лицом Гашпара и позолоченным изображением лица его отца, но не нахожу, а потом сама же злюсь на себя за то, что уделила ему столько внимания.

– Это – форинт?³

Вздвигнув от неожиданности, поднимаю взгляд. Доротья стоит от меня на безопасном расстоянии вытянутой руки. Её волосы собраны сзади под красным платком. С огромным интересом она смотрит на мою монету, и я стискиваю ту пальцами. Горло сжимается.

– Не знаю, – отвечаю я. Стыдно признаться, что я совершенно незнакома с денежными единицами Рийар. Когда король ещё собирал дань с Кехси, мы платили ему кованым серебром и кроличьими мехами, навьюченными на спины коней Охотников. – Она золотая.

– Тогда это *арэнгя*, – говорит Доротья, вытянув шею, чтобы лучше разглядеть. В её глазах загорается блеск надежды, отчего я испытываю и подозрение и печаль. – Стоит две дюжины серебряных, может, даже больше. Я видела золотую монету лишь однажды.

Хмуро смотрю на неё, ожидая какого-нибудь злого замечания. Жду, когда она обвинит меня в воровстве или ещё каком языческом грехе. Но женщина лишь задумчиво смотрит на меня, подперев рукой подбородок.

– Долгое время у нас здесь вообще не было монет, – говорит она. – Потом, несколько лет назад, пришли купцы из Кирай Сека и купили все наши шкуры, рога и шерсть. Купцы сказали, что купят все товары, какие у нас есть, но заплатят нам серебром. И нам пришлось ждать, пока вернутся те купцы, потому что в других землях серебро не принимали, а они с каждым годом брали с нас всё больше и больше за свои товары.

Внутри зарождается тихое неприятное чувство.

– Это были купцы короля?

Доротья кивает.

– Однажды я видела человека с такой монетой. Странные знаки и всё такое. Он был из Йехули. Но не купец... сборщик податей.

Смысл её слов доходит до меня не сразу.

– Вы встречали человека с такой же монетой, как у меня?

– Да, – отвечает Доротья, морща лоб.

Не в силах скрыть нетерпение, подаюсь вперёд.

– Вы узнали его имя?

---

³ Форинт – денежная единица Венгрии.

– Нет. Знаю лишь, что он был сборщиком податей из столицы. Когда он пришёл, то забрал половину нашего серебра и даже коврик из телячьей кожи. Король держит этих Йехули при себе, точно змей в мешке, и раз в год выпускает и натравливает их на нас.

Сжимаю монету в кулаке. Её слова вызывают во мне какую-то непонятную боль, но не знаю, имею ли право чувствовать себя обиженной из-за пренебрежительного отношения к Йехули.

– Похоже, вы должны винить короля за то, что сразу навязал вам свои монеты.

– Купцы сказали, что все соседи Ригорзага сейчас используют золото и серебро для покупки и продажи, – отвечает Доротья. – Король Янош хочет следовать их примеру и чеканить собственные королевские монеты.

Я никогда не думала о соседних с Ригорзагом странах – Фолькстате на западе и Родинье на востоке. Просто очередные патрифиды, со своим наречием, но тем же благочестивым отращиванием. Пока я ломаю голову над словами Доротьи, она уходит. Бесшумно проскальзывает в небольшую толпу жителей, собравшихся у костра, чтобы погреть руки. Койетана среди них нет. Думаю, что же за староста целыми днями сидит в своём шатре, закутанный в телячьи шкуры, пока его крестьяне возделывают поля и пасут своих нервных овец. Видимо, тот же, что отказывается от помощи Охотника.

Гашпар выходит из-за загона серых коров, с луком на плече и пустыми руками. Его неудача на охоте должна бы доставить мне какую-то извращённую радость, но мои губы лишь поджимаются при его приближении, словно я укусила подгнивший кусок.

– Ты поджарила кролика? – спросил Гашпар, носком сапога ткнув крошечные кости у моих ног.

– Да. Это была хорошая тренировка перед работой на кухне в замке графа Коронена.

– Ты ужасно упрямая, – говорит он.

– Ты – ничуть не лучше.

Гашпар чуть склоняет голову.

– В любом случае нет смысла спорить на каждом вздохе. Природа нашей сделки, к сожалению, такова, что мы принадлежим друг другу.

Он немного краснеет на этих словах. Чувствую, как пальцы ног в сапогах у меня чуть поджимаются. Гашпар подбирает слова тщательно и придирчиво, как я бы прочёсывала деревья у Кехси в поисках самого большого и наименее побитого яблока. Интересно, почему именно эти слова он выбрал сейчас? Возможно, он лишь проявляет свою отвратительную разумность, как всегда, но мой собственный разум спотыкается о мысль, что мы связаны.

Тяжело вздыхаю. Губы чуть дрожат, когда я пытаюсь не скривить их гневно.

– В таком случае, полагаю, ты хочешь, чтобы я тебя накормила.

Кажется, он почти улыбается, но сдерживается. Улыбка на его лице выглядела бы странно и пугающе, как у волка, пытающегося танцевать, или у медведя, дёргающего струны кантеле.

– Доротья тебя бранила? – спрашивает он.

В его голосе слышатся нотки беспокойства, а может, мне только кажется.

– Нет, хоть и бросила пару ядовитых слов о Йехули.

Гашпар вскидывает голову:

– Не понимаю, как ей удалось угадать твоё происхождение. В твоей внешности не так уж много от Йехули.

– Она и не угадала. Но узнала монету моего отца, – поднимаю на него взгляд, вспоминая выгравированный профиль короля Яноша с тусклыми глазами и безвольным подбородком. Глаз Гашпара яркий, взгляд острый, а челюсть – резко очерченная, как линия клинка. Должно быть, в нём больше от матери. – А что, у Йехули какая-то особенная внешность?

– Многие говорят, что да. – Он чуть пожимает плечами, всё ещё не сводя с меня взгляд. – Может, дело в форме носа или лба. При дворе было несколько мужчин из Йехули – сборщики

подастей и ростовщики. Ни у кого из них не было ни твоего носа, ни твоего лба, ни уж точно – твоих глаз.

Смаргиваю.

– Моих глаз?

– Да, – коротко с нотками смущения отвечает он. – Ярко-зелёных.

В животе у меня словно пульсация тысячи крохотных крыльев – ощущение странное, но не неприятное.

– Значит, и у мерзанцев есть что-то особенное во внешности?

Гашпар замолкает. Интересно, не слишком ли я настаиваю, не лопнет ли этот миг покоя между нами, словно верёвочный мост над бурлящими водами. Через паузу он отвечает:

– Не знаю. Единственной мерзанкой, которую я встречал, была моя мать.

– И ты на неё похож?

Почему-то мне хочется притвориться, что я не изучала золочёное изображение лица его отца, не сравнивала с его собственным, отмечая их многочисленные отличия.

– Так говорят. – Его голос звучит абсолютно ровно, словно ответ давно выучен и отточен. – На вкус отца, у меня неправильный цвет лица. Один из графов предложил мне провести год в помещении, чтобы посмотреть, улучшит ли это мою внешность.

Его слова почти вызывают у меня смех, но я проглатываю. Не уверена, что он поверил бы, что этот смех был знаком солидарности, моего раздражения от чужой глупости, а не насмешкой над его болью. Наконец Гашпар отводит взгляд, смотрит на собравшихся у костра жителей деревни. Теперь их больше, чем раньше. Спины согнуты от тяжёлого дня в поле, и неразборчивые слова пронизаны усталостью.

Небо омылось тёмно-фиолетовым, став цвета всё ещё саднящего синяка. Розовые и золотые полосы тянутся вдоль горизонта, аккуратные, как следы плети у меня на бёдрах. Буйство красок заката потрясает меня – в Кехси мы видели лишь кусочки фиолетового света размером не больше осколков, просеянные сквозь ажурные ветви деревьев. Холод пробегает по позвоночнику. Я всё люблю и люблю, не заботясь о том, что, наверное, выгляжу глупо – словно ребёнок, разинувший рот. И тут я слышу музыку.

В свете костра одежда жителей деревни выглядит богаче и изящнее, словно блестит тканый шёлк. Кто-то начинает играть на кантеле, и я вспоминаю сказание Вираг о Вильмёттене, который бродил по лесу, а потом услышал прекрасный звук. Он нашёл беличьи кишки, натянутые меж двух деревьев, взял их и собрал в лютню, звуки которой были прекраснее пения любого соловья или лесного дрозда. Даже кудлатая собака присоединилась – вплела в музыку свой вой.

Мы с Гашпаром наблюдаем, как жители деревни выстраиваются в две длинные очереди – мужчины с одной стороны, женщины с другой. Сразу узнаю движения – неистовый парный танец, который мы исполняем в Кехси, когда нам нужно отвлечься от холода или голода. Мужчины и женщины меняются партнёрами, постукивая ногами по земле и прыгая в такт звукам кантеле, смеются, когда у одной девушки чуть не загорается юбка.

Глядя на них, я испытываю худшее: зависть. Если бы не вздымающиеся со всех сторон травы и чёрные ромбовидные тени от их шатров, я бы подумала, что снова вернулась в Кехси и дуюсь напоказ, пока другим девушкам достались партнёры по танцу. Только жителям этой деревни не приходится жить в страхе перед Охотниками и многочисленными ужасами Эзер Сема.

«Но теперь у них есть своё собственное чудовище, – напоминаю себе я. – Как бы они ни берегли своё божественное пламя».

Одна из девушек выходит из круга. Хорошенькая, нежная, с льняными, как у Бороки, волосами и глазами лани, не обращающей внимания на дугу охотничьего лука. Застенчиво она

подходит к Гашпару и протягивает руку. На щеке у неё мазок сажи, но в этом даже есть что-то милое.

Гашпар вежливо качает головой, и девушка отшатывается, удручённая, краснеющая. Ловлю себя на мысли, а прикасался ли он когда-нибудь к женщине, которая не была бы волчицей. В конце концов, Охотники – священный орден.

– Не стоило отказывать ей только из-за меня.

– Дело не в этом, – отвечает Гашпар, поджав губы.

– Почему? Мне показалось, она в твоём вкусе.

Гашпар напрягается, втягивая голову в плечи. Похоже, я задела болезненное место.

– И как же это – в моём вкусе?

Смотрю на девушку, аккуратно вписавшуюся в круг танцующих. Сейчас она двигается рука об руку с мужчиной с льняными волосами, который похож на её брата. Вспоминаю о моих неуклюжих свиданиях на берегу реки, о мужчинах и мальчишках, которые просовывали мне руки между бёдер, а потом умоляли меня никому не рассказывать – «Пожалуйста!» – после того, как мы, закончив, тяжело дышали, мокрые от пота. В свой черёд они говорили, что я красивая, и возможно, это было правдой. Говорили, что я милая – а уж это точно не было правдой. Но всё это они говорили, лишь когда мы оставались в темноте, одни.

– Невинная, – отвечаю я.

Гашпар усмехается, и его шаубе чуть съезжает с плеч, когда он отстраняется. Его лицо сияет в свете костра, словно кусочек янтаря, сорванный с чёрной сосны. Думаю, я стала жертвой жестокой шутки какого-нибудь бога-трикстера, проклятая им на такие мысли: я продолжаю думать, что в отсветах пламени его кожа блестит как полированная бронза, или о том, как напрягается его челюсть, когда мои насмешки попадают в цель. Приказываю себе перестать замечать всё это.

Музыка ненадолго стихает, и один из голосов звучит громче остальных:

– А где Койетан?

– Наверное, прячется у себя в шатре, – отвечает Доротья. Её хрупкая фигурка прорезает толпу. – Кто-нибудь, сходите за ним?

– Я пойду, – предлагает Гашпар, выступив вперёд немного чересчур ретиво. Очевидно, он отчаянно хочет оставить наш разговор. – Я должен сказать ему, что мне так и не удалось выследить чудовище.

Он смущённо опускает голову, и я чувствую укол вины, сожалея о своей раздражительности и о том, как подкалывала его. Он мог бы в самом деле выследить чудовище, если бы я не смеялась над его охотой и не приставала к нему со своими историями.

Гашпар не зовёт меня с собой, но я не желаю оставаться наедине с этими патрифидами, поэтому всё равно иду за ним. Их глаза, отражающие свет костра, яркие, как тлеющие в темноте угли, и их взгляды следуют за мной до самой границы света и тепла. Прикасаюсь к косяку в правом кармане, потом к монете в левом – единственное утешение, мой маленький ритуал.

– Какой староста бросает своих людей в такой тревоге? – тихо говорит Гашпар, пока мы идём к шатру Койетана. – Он хотя бы мог показаться перед лицом такого несчастья.

– Может, он вообще не хочет быть старостой. Койетан кажется ужасно молодым для поста старосты, пусть даже в такой маленькой деревне.

– Но он – их лидер, – возражает Гашпар. – И потому должен действовать с честью.

Закатываю глаза на эту простую патрифидскую истину: хорошее и плохое, и непреодолимая пропасть между ними. Не отрицаю, есть в этой простоте и прямоте что-то привлекательное. Если бы только в глазах патрифида не было так сложно быть хорошим, и так легко – плохим.

Гашпар поднимает полог шатра, и мы оба проходим внутрь. Очаг Койетана молчит, и его постель холодна. Гашпар шепчет, вызывая к жизни небольшой огонёк, а я подхожу к деревян-

ному столу, где рядом стоит ведро с водой и жестяная кружка. Ведро почти полное, но вид у него странный – жидкость кажется гуще, чем должна быть вода.

Когда я наклоняюсь, чтобы осмотреть воду, стол пошатывается. Хмурюсь и смотрю вниз. В земляном полу шатра Койетана виднеется маленькая дыра, куда и угодила одна из ножек стола.

– Что ты делаешь? – требовательно спрашивает Гашпар. – Не ройся в чужих вещах, будто обыкновенный вор.

Игнорирую его замечание. Дыра маленькая, чёрная, как колодец. Просовываю руку внутрь до запястья, шевелю пальцами, пока они наконец не зацепятся за что-то. Когда я вытягиваю это «что-то» – мои вены словно обращаются в лёд.

Отбросив свои принципы, Гашпар заглядывает мне через плечо.

– Что там?

– Кукла, – отвечаю я.

Кукла маленькой девочки из глины и палочек, с лоскутом шерстяной ткани вместо юбки и простой жёлтой травой вместо волос. Ни глаз, ни рта у куклы нет – только немое, невидящее лицо из глины.

– Зачем ему кукла? – спрашивает Гашпар. – И зачем её прятать?

Снова влезаю в дыру. На этот раз мои пальцы смыкаются вокруг чего-то поменьше, но более податливого. Горсть тёмных ягод. Их фиолетовый сок окрашивает морщинки на моей ладони.

И ещё один цвет мешается с этим – глубокий глянцево-красный, почти чёрный.

Роняю ягоды на землю. Они оставляют на земле полосу крови. Смотрю на Гашпара, и, судя по ужасу на его лице, он тоже всё понимает.

– Что это ты там делаешь, волчица?

Мы с Гашпаром оборачиваемся идеально синхронно. Койетан стоит на пороге своего шатра, и его лицо раскраснелось ещё сильнее, чем раньше, покрывшись пятнами лопнувших кровеносных сосудов. В его глазах – злой бесцветный блеск.

Шепчу:

– Это ты. Ты убил ту маленькую девочку. Эсти.

– Да, – отвечает он.

– И Ханну. И Болаза.

Гашпар тянется к топору.

– Стало быть, ты не просто слабый мужчина. Ты – чудовище.

– Зачем ты это сделал? – хрипло спрашиваю я. В горле горит. – Зачем убивал собственный народ?

– Я не обязан отвечать перед языческой швалью, – говорит он, но в его голосе нет той злобы – только тихая сдержанная ненависть.

– Значит, ответишь перед Охотником, – выплёвывает Гашпар. – И перед своим богом.

– Тебе ли не знать, что наш бог требует жертв, Охотник. С тем же успехом ты мог бы спрашивать о своём отсутствующем глазе. – Койетан коротко с горечью смеётся. – Зимы в степи долгие и бесплодные. Многие бы всё равно погибли. По правде говоря, у нас мало сухих дров, чтобы поддерживать пламя, но плоть и кости тоже сойдут.

Я видела, как чудовища сдирали когтями лица Фёрко и Имре и пировали их изуродованными телами. Я смотрела, как Пехти умирает рядом со мной, вдыхала зелёную гниль его страшной раны. Но это – ещё ужаснее... Подношу руку ко рту, боясь, что меня тошнит.

Гашпара, похоже, не тошнит. Он содрогается, поднимая топор. Прижимает лезвие к груди Койетана почти нежно, аккуратно над воротником, у белой впадины на горле старосты. Осторожно, чтобы не порезать.

– Кайся, – говорит он. – Или в наказание за твои преступления я сделаю тебя глухим и слепым.

Койетан лишь смеётся в ответ, и его глаза блестят отражённым огнём.

– В чём мне каяться, Охотник? В том, что служил Принцепатрию так, как Он того требует? Лучше уж быстро умереть от ножа, чем смотреть, как твои пальцы рук и ног гниют от холода, или чувствовать, как твой желудок жрёт сам себя, пока не остаётся ничего, кроме костей.

Гашпар крепче стискивает топор; его кадык дёргается.

– В глазах Принцепатрия ты – всё ещё убийца. Покайся мне, или будешь выглядеть как самый благочестивый Охотник во всём Ригорзаге, когда я с тобой закончу.

– Да ты с ума сошёл, – выпаливаю я. – Он совсем не раскаивается.

На светлом румянном лице Койетана – ни капли раскаяния, как и в его остекленевшем взгляде. Он смотрит то на меня, то на Гашпара, ухмыляясь, а его плечи содрогаются от безмолвного смеха. Я помню, как он приказал меня связать, как повалил меня на пол и упёрся коленом мне в спину, чтобы накинуть верёвку, и как я чувствовала его горячее дыхание у самого уха. Помню, как отшатывались жители, словно я была чудовищем, готовым сожрать их во сне. И всё это время их чудовище было одето в белый шаубе и жило в шатре старосты. Помню, как Доротья говорила о королевском мешке со змеями-Йехули.

Есть чудовища, есть волчицы, а есть волчицы с кровью Йехули. Теперь я понимаю: даже связанная и беззубая, я для них ненавистнее любого патрифидского убийцы.

Обнажив нож, бросаюсь на Койетана, толкаю его в стену шатра. Он спотыкается, но удерживается на ногах, и вдруг бьёт меня локтем в грудь. Прежде, чем мой нож успевает достичь цели, у меня перехватывает дыхание.

– Ивике! – кричит Гашпар, но его голос звучит так далеко, словно из-под воды.

Койетан хватается за плечи с такой силой, что нож вылетает у меня из рук. Выкручивает мне руку, я вскрикиваю, а перед глазами от боли пляшут звёзды. Вихрь ткани, вспышки кожи, и вот я прижата к груди Койетана, а мой нож приставлен к моему же горлу.

– Тебе стоило бы держать свою волчицу в цепях и наморднике, – тяжело дыша, говорит Койетан. – Она погубит вас обоих. Как долго будет гореть огонь, когда её тело тоже бросят в костёр? Какова цена одной дикой волчицы, язычницы высшей касты, для Принцепатрия?

Он прижимает палец к ране на моём горле, снова вскрывая её ногтем большого пальца. Я задыхаюсь от очередного крика, глаза горят от слёз. Когда Койетан убирает руку, та окрашена смесью новой и старой крови.

– Отпусти её, – говорит Гашпар, опускает топор, позволяя лезвию вонзиться в земляной пол.

Я почти слышу, как серп улыбки рассекает губы Койетана – словно металл скрежещет по металлу.

– А какова цена одной дикой волчицы *для тебя*, господин Охотник? Наверняка люди твоего ордена поднимут кубки за её гибель.

– Прошу. – Гашпар поднимает руку, безоружный. – Я могу принести в вашу деревню золото, пищу...

– Нет-нет. – Койетан качает головой. – Ты не можешь предложить мне ничего ценнее для Принцепатрия, чем гибель волчицы.

А потом его пальцы сжимаются у меня на горле, заставляют меня согнуться в пояснице. Лезвие тянется к уголку моего рта, ровно над языком, и с ужасом я понимаю, что он собирается сделать: отрезать от меня по маленькому кусочку, чтобы сжечь один за другим, растягивая жертву, пока не останется ничего.

Закрываю глаза, но не чувствую укус лезвия. Слышен лишь хруст костей, влажный звук падающей плоти. Открыв глаза, вижу ручейки крови на земляном полу, а пальцы Койетана выпустили моё горло.

По инерции падаю на землю, приземляюсь на колени, задышавшись. Во рту кровь, но язык цел. Тело Койетана падает рядом со мной, словно огромный срубленный дуб, а в груди у него – топор Гашпара.

Смотрю, как тело старосты содрогается в последних спазмах; конечности дёргаются, потом замирают. Голова свесилась набок, глаза открыты и до ужаса пусты, словно два бледных осколка глазурованной керамики. Его борода сбрызнута кровью – словно чёрные скопления личинок, которые он выкашлял, умирая.

Дрожащими руками я отталкиваюсь, поднимаюсь на ноги. Хотя рана на горле кровоточит, я её едва чувствую. Все ощущения притуплены, и тело онемевшее, как точильный брусок.

– Гашпар... – начинаю я, но так и не могу придумать, что сказать.

Его лицо осунулось, грудь тяжело вздымается. Кровь Койетана – словно винное пятно на его доломане, окрашивающее кожу темнее, чем чёрный. Я могу лишь наблюдать, как он падает на колени и кладёт ладонь на лоб Койетана, закрывая старосте веки.

В конце концов жители деревни нарекают Гашпара своим героем. Они складывают фрагменты истории воедино, когда видят брызги крови на стене шатра из телячьей кожи, топор Гашпара в груди Койетана, куклу и ягоды на земле. Мать Эсти – молодая женщина со спутанной тёмной длинной косой до талии – прижимает к груди игрушку из глины и палочек и плачет. Остальные жители собираются вокруг застывающего тела Койетана.

– Нужно его похоронить, – заявляет Доротья. – И выбрать нового старосту.

Наивно предполагаю, что жители проголосуют за неё. Но потом вспоминаю, что удел этих патрифидских женщин, лишённых волшебства, – вынашивать детей и штопать своим мужьям туники. Жители сгрудились, что-то тихо обсуждая, а когда расходятся – выбор падает на мужчину по имени Антал.

Его первый приказ как старосты – избавиться от трупа Койетана.

– Никаких церемоний, – заявляет Антал. – Никакой могилы.

Снаружи жадно скулит голодный кудлатый пёс.

Жители деревни проталкиваются через полог шатра, но прежде чем я успеваю выйти, раздаётся крик – такой громкий, что он прокручивается у меня в животе точно нож. Гашпар спешит вперёд, расталкивая толпу, и останавливается перед очагом.

Огонь погас. Возможно, умер вместе с Койетаном, прогорел дотла, когда староста, истекая кровью, лежал на земляном полу. Остались лишь почерневший камень и деревянная скульптура трёхконечного копья Принцепатрия. Все жители деревни вокруг меня падают на колени, рыдая и шепча молитвы. В свете белого серпа луны их лица кажутся бледными, словно кость.

Я жду, но Крёстный Жизни не считает жителей деревни достойными своего милосердия. Очаг молчит, холодный.

– У нас *должен* быть огонь! – воет кто-то. – Без него мы замёрзнем насмерть!

Гашпар вдруг перемещается. С того места, где я стою, я могу разглядеть лишь край его лица, но, судя по наклону плеч и медлительности его шагов, знаю, что смерть Койетана уже тяготит его – ещё одна чёрная метка на его душе. Мне слишком стыдно, чтобы посмотреть ему в глаза, столкнуться с болью, которую я причинила ему своим безразсудством.

Он опускается на колени у обожжённых брёвен кострища и соединяет ладони.

– *Мегвилагит*.

Крохотный огонёк расцветает на кострище – пламя тихо низко шепчет. Его и близко недостаточно, чтобы согреть зимой целую деревню. Проталкиваюсь сквозь толпу, пока не оказываюсь настолько близко от Гашпара, насколько смею.

Он снова соединяет ладони, хмурясь.

– *Мегвилагит.*

Языки пламени поднимаются выше, колыхнутся, отливая голубым – как водоросли на дне озера. Это лишь жалкая тень костра, который раньше горел на брёвнах, отбрасывая свой свет на целые мили вокруг.

Гашпар поворачивается ко мне.

– Ивике, дай мне нож.

Я слишком ошеломлена, чтобы отказаться. Мой нож – его нож, – который я вырвала из холодных пальцев Койетана до того, как крестьяне ворвались в шатёр, всё ещё в крови. Протягиваю его Гашпару, и он берёт оружие за лезвие. Все жители деревни молчат, поджав губы, ожидая.

Глядя вниз с всепоглощающей сосредоточенностью, Гашпар, наконец, снимает перчатки. Закатывает рукав доломана, обнажая выпуклую сетку шрамов вдоль запястья – белёсые ленты на бронзовой коже. У меня перехватывает дыхание. Ему требуется пара мгновений, чтобы найти чистый участок кожи. А когда Гашпар находит – со вздохом проводит моим клинком по руке, и его кровь брызгает на камень.

Его пальцы дрожат. Гашпар выпускает нож, позволяя тому упасть в траву, ещё раз соединяет ладони.

– *Мегвилагит.*

Огонь взрывается в воздухе с такой яростью, что Гашпар отскакивает – пламенные пальцы почти впиваются в его шаубе. Искры испещряют необъятную черноту неба. Хор вздохов облегчения жителей деревни такой же громкий, как степной ветер.

– Спасибо, господин Охотник! – восклицают и плачут они. – Вы спасли нас!

Они окружают Гашпара, тянутся ладонями к его груди, проводят пальцами по меху его шаубе. Никто из них не упоминает про нож, про рану. Гашпар натягивает рукав, чтобы скрыть кровь, и надевает перчатки. Девушка с льняными волосами проводит большим пальцем по линии его подбородка и бормочет что-то, но я стою слишком далеко, чтобы расслышать.

Мой желудок скручивает тошнота.

Кажется, проходит несколько часов, прежде чем толпа начинает редеть, и жители возвращаются в свои шатры. Каждая травинка – тонкое зеркало, отражающее свет костра, и кажется, что я стою в поле трепещущего пламени. Гашпар опускается на колени, чтобы поднять нож, потом идёт ко мне.

Смотрит на меня не мигая – его глаз полуприкрыт. На этот раз челюсть у него расслаблена, губы чуть приоткрыты, словно вся сила из него выпита. Не нахожу в себе сил посмотреть на его запястье.

– Я могу надеяться, что в следующий раз ты не будешь такой неосторожной дурой? – спрашивает он.

Я почти мечтаю о его колких упрёках, о его ханжеской хмурости. Всё, что угодно, – только не это непостижимое изнеможение на лице. Хочу было сказать, что, для того чтоб быть неосторожной дурой, мне совсем не нужен нож, но не думаю, что это заставит его краснеть и гримасничать. Не сейчас. Просто киваю, когда он возвращает мне нож – рукоятку вперёд.

Пальцы сжимают холодный металл, но в следующий миг не могу сдержать мерзкий вопрос:

– Одного глаза было недостаточно?

– Что?

– Ты уже отдал ему глаз, – в груди становится тесно. – Неужели все Охотники покрыты шрамами, как и ты?

– Каждый из тех, кто достоин упоминания.

– Зачем? – сумею выговорить я. – Зачем ты это делаешь?

– Принцепатрий вознаграждает за жертвенность, – отвечает он. – Иногда жертвы приносятся в виде плоти.

Давлюсь смехом. Воспоминание о лезвии ножа, приставленного к его запястью, проносится перед внутренним взором, и становится тошно.

– Так справедливость или милосердие в том, что ты должен истекать кровью во имя своего спасения?

– Милосердие, – отвечает Гашпар. Его глаз чёрный, и в нём не отражается пламя. – За всё это время Он ни разу не потребовал мою жизнь.

Глава седьмая

Снежинки кружатся в воздухе вокруг нас белым вихрем. Падают мне на волосы, всё ещё покрытые пятнами серебристой краски, прилипают к тёмным кудрям Гашпара. Если я не моргаю достаточно часто, снежинки собираются на моих ресницах, и от ледяной воды щиплет в глазах. Земля под ногами присыпана тонким слоем ранней изморози.словно Иштен подул на большой замёрзший одуванчик, и пушистые семена разлетелись по сосновому лесу Крайнего Севера.

В Калеве всего два времени года: зима и не-зима. Не-зима – короткая, тёплая и влажная, время, когда мухи свирепствуют, а растения осторожно поднимают свои цветочные головки из земли, только лишь затем, чтоб их сорвали, стряхнули и сохранили для более холодных голодных дней. Телята рождаются, и их убивают, чтобы засолить и сохранить мясо. В не-зиму калевийцы наслаждаются парой часов скудного солнечного света и кратким оттаиванием их рек и озёр, когда обнажается вода, что чище и голубее самого неба.

Не-зима почти закончилась.

Веду нас через лес. Конь Гашпара рысит чуть медленнее позади моего. Мы покинули деревню два дня назад, и с тех пор наши разговоры стали краткими, поверхностными, а с его стороны – в основном односложными. Я молча извиняюсь, предлагая ему самые мясистые части кроликов, которых убиваю на охоте, и борясь с собой, чтобы не подначивать его во время его вечерних молитв. Не уверена, что моё послание дошло до него.

На снегу видны красные точки, тянущиеся за нами, словно крошечные следы, нащёптывающие историю нашего пребывания в деревне Койетана. Гашпар заправляет рукав под перчатку, но кровь всё равно вытекает из-под ткани с тихим постукивающим звуком, который преследует нас многие мили. Неожиданно Гашпар останавливает своего коня и смотрит в небо, позволяя хлопьям падать ему на лицо и обращаться в воду.

Я разворачиваю лошадь к нему; сердце трепещет.

– Ты ведь раньше видел снег, да?

– Уже очень долго не видел, – отвечает он, не встречаясь со мной взглядом.

Хмурюсь. Мне всегда казалось, что снег идёт повсюду в Ригорзаге, даже намного южнее, где лежит столица. Но Гашпар наблюдает за шквалом белых хлопьев с тем же восхищением, с которым я любовалась закатом в Малой Степи, проливающим розовый свет на траву свободно, а не сквозь решётку ветвей. Когда Гашпар снова сжимает поводья, замечаю, что он морщится.

С моих губ срывается тяжёлый вздох, белый пар на холоде.

– Ты пытаешься меня наказать?

Гашпар поднимает взгляд; его глаз сверкает.

– О чём ты?

– Если ты пытаешься заставить меня сожалеть о том, что я сделала, – тебе уже удалось, – огрызаюсь я. – Как это по-Охотничьи, позволить себе сдохнуть от заражения крови только лишь затем, чтоб доказать свою точку зрения.

– Я не собираюсь умирать, – отвечает Гашпар, но в его голосе слышится горечь. – И мне нечего доказывать неблагодарной волчице.

Его слова падают на мои плечи так же холодно, как снег.

– Ты сердишься, что я не бросилась к тебе в знак благодарности? Я рада – что я не дитя Патрифидии, но Койетан был чудовищем. Он заслужил смерть.

– Не мне решать, заслуживает ли человек смерти.

– Но кому же, как не тебе? – Гнев скручивается во мне после двух долгих дней молчаливого раскаяния. – Ты можешь прятаться в своих одеяниях Охотника, но ты всё равно принц.

– Довольно, – осекает меня Гашпар. В его тоне я слышу оскал. – Койетан был прав – ты погубишь нас обоих. Ты считаешь, что Охотники праведны, но ведь это ты пыталась перерезать горло человеку, потому что его люди грубо и пренебрежительно относились к язычникам и Йехули. Разве волчиц не учат, что иногда лучше спрятать когти?

Кровь пульсирует, а щёки у меня горят так, что я почти забываю, что мы вообще стоим на снегу.

– Это всё, чему меня учили, Охотник. Всю мою жизнь. Терпеть чужое пренебрежение, проглатывать мою ненависть. Согласен ли ты с тем графом, который велел тебе оставаться дома, или с придворными, которые воротили от тебя нос? Если да... что ж, тогда ты, пожалуй, самый глупый принц на свете. Все эти разговоры о покорности и послушании – ради их блага, а не твоего. Ведь не нужно прикладывать усилий, чтоб сбить тебя с ног, когда ты уже стоишь на коленях.

Сразу могу сказать, что зашла слишком далеко. Мой голос срывается, словно камень, брошенный со скалы. Ветер щетинится между нами, воет. Лицо Гашпара затвердело, словно осколок окаменевшего янтаря среди кружащейся белизны.

– И что тебе дало твоё рычание? – наконец спрашивает он. – Койетан бы отрезал тебе язык.

Размыкаю губы, чтобы ответить, и тут же смыкаю. Вспоминаю о шрамах, полосами расчертивших мои бёдра сзади, и о тростниковом кнуте Вираг, дрожащем, словно струна лютни. Вспоминаю синее пламя Котолин и её белозубую ликующую улыбку. Вспоминаю, как лес сомкнулся за спиной, и Кехси исчезла из поля зрения. Я плакала и кричала, когда Охотники забрали мою мать, но это их не остановило.

С усилием сглотнув, тянусь к своей монете и сжимаю её похолодевшими пальцами. Ничего бы не изменилось, если б я держала рот на замке, а когти – спрятанными, разве что я возненавидела бы себя ещё больше. Возможно, я возненавидела бы себя настолько, что подносила бы лезвие к своей коже, пытаясь купить себе спасение кровью.

Когда я снова смотрю на Гашпара, внутри что-то сжимается.

– Дай мне посмотреть твой порез.

– Нет, – возражает он, но не слишком пылко.

– Если ты умрёшь от заражения крови до того, как мы найдём турула, клянусь Иштенем, я убью тебя.

И всё же он медлит. Ветер треплет его шаубе, словно бельё на верёвке. Наконец он спешивается, почти падает из седла. Я в свой черёд соскальзываю с коня и иду к нему по снегу.

Рукав его доломана весь влажный от крови. Осторожно отворачиваю его дрожащими пальцами. Случайно задеваю ногтем, и Гашпар чуть вздрагивает, резко вздохнув. Стараюсь сосредоточиться только на осторожном осмотре, представляя, что ранен кто-то другой, не Охотник.

Порез небольшой, но из-за трения кожи о ткань доломана не успел покрыться корочкой. Касаюсь его так бережно, как только могу, и он плачет алым. Плоть вокруг раны припухла и на ощупь тёплая, что – как я знаю благодаря поверхностному обучению у Вираг – является плохим знаком.

Во мне поднимается ярость и отчаяние.

– Если б я была настоящей волчицей, я могла бы это поправить.

– Если б я был настоящим Охотником... – начинает Гашпар, но осекает себя, не успев закончить. Его голос надламывается, как лёд на реке. Что-то во мне дрогнуло – совсем не от ненависти или ужаса. Яростно подавляю это ощущение.

Глубоко вздохнув, отрываю чистую полоску ткани от собственной туники, медлю. Я могла бы позволить ему умереть. Могла бы освободиться от него, не взваливая на себя большую часть вины за это, а потом – вернуться домой. Но я помню слова, которые он сказал мне

в Малой Степи: *«Мы принадлежим друг другу»*. И я больше не могу противиться этой ужасной сделке – поздно, зверь уже освежён. Предполагаю, король всё равно изыщет способ покарать Кехси.

Ещё хуже мысль о том, что Гашпар свалится в снег, его вены потемнеют от яда, а с лица сойдёт весь цвет. Когда я представляю, как он умирает здесь, в холоде и одиночестве, горло сжимается почти болезненно.

Перевязываю его рану.

И всё же, не понимаю до конца, зачем вожусь с этой импровизированной перевязкой. Судя по усиливающемуся снегу и скоплению грозовых туч над головой, Калева убьёт нас раньше, чем что-либо ещё.

С каждым нашим шагом глубже на север деревья становятся всё выше и выше, а их стволы – огромными, как целый дом. Нижние ветви так далеко от солнца, что большая часть древесины стала ломкой и мёртвой, и сухие иголки осыпались на лесную подстилку. Но наверху – там, где деревья касаются неба, – иголки пышные, насыщенно-зелёные, напитавшиеся водой и светом, и трепещут на фоне бледного снега.

Любое из этих деревьев может оказаться деревом жизни, а турул может скрываться среди изморози ветвей. Но я вижу только снег, падающий плотным белым покрывалом. Когда я оглядываюсь через плечо, то даже Гашпара не вижу – только мутное пятно его шаубе, словно угольно-чёрный отпечаток руки на оконном стекле. Если его рана по-прежнему кровоточит – буря уже скрыла все следы.

Вскоре кони нетерпеливо бьют копытом о землю и упрямо ржут. Спешиваемся и ведём лошадей через лес уже пешком, пока не наткнёмся на дерево такое же большое, как хижина Вираг. Его древесина пористая, испещрённая термитами, и пахнет сыростью гнили. Гирлянды мха свисают с вывернутых корней, а по стволу ползёт лишайник, бледный, словно старое кружево. Заводим наших лошадей во впадину между разверзнувшимися корнями, и Гашпар вызывает поводья к выдающейся крепкой ветви.

– Мы уже потратили так много времени, – хмурясь, говорит он.

Повышаю голос, чтобы перекрыть вой ветра.

– Милости прошу, можешь продолжать путь сам. Я вернусь выкопать тебя, как наступит весна.

Гашпар морщится, но не возражает. Мы углубляемся в лес в поисках укрытия, пока наконец не останавливаемся у подножия другого дерева. Его лабиринт корней простирается над ложбинкой между стволом и землёй, в которой как раз достаточно места для двух тел. Останавливаюсь перед расщелиной, плотнее кутаясь в волчий плащ.

До сих пор я почти не прикасалась к нему, только когда пожала ему руку, чтобы скрепить нашу непростую сделку, и когда осматривала его рану. Перспектива оказаться с ним так близко заставляет что-то внутри сжаться, тем более что я знаю – он всё ещё приходит в себя от унижительной потребности во мне и в моей помощи с бинтованием раны. Я проскальзываю сквозь узкую щель между корнями, рассыпая комья грязи. Подползаю под дерево и подтягиваю колени к груди. Гашпар стоит снаружи. Ветер раздувает его шаубе, почти срывая, но он не двигается. Его губы тонкие и бледные. На миг задаюсь вопросом, достаточно ли он упрям, чтобы простоять там всю ночь, ожидая, пока снег похоронит его. Затем он всё же проскальзывает между корнями и приседает в ложбинке рядом со мной.

Когда мы оба оказываемся внутри, едва хватает места, чтобы пошевелиться. Плечо Гашпара плотно прижато к моему, и тепло его тела просачивается сквозь его шаубе и мой волчий плащ. Я чувствую, как напрягаются его мышцы каждый раз, когда он сгибает и разгибает пальцы или поджимает челюсть. Наше холодное дыхание смешивается в тесном тёмном пространстве.

Лицо Гашпара осунулось, кадык подёргивается. Уже во второй раз задаюсь вопросом, был ли он когда-нибудь так близок с какой-нибудь женщиной, не с волчицей, но решаю не подначивать его – он и без того сердится. Ветер снаружи беснуется, с яростным воем раскачивая ветви.

– И кто вообще живёт в таком месте? – бормочет он почти про себя.

Не знаю никого, кто селился бы так далеко на севере, кроме разве что Йувви, которые пасут северных оленей и строят рыбацкие домики вдоль неровного калеванского побережья. Но я не говорю о Йувви Гашпару. Когда его прадед, Барэнъя Тудор, завоевал Калеву, он поставил перед собой задачу покорить Йувви. Вираг говорит, он захватил одного из их племенных вождей – женщину по имени Расди – заточил её в тюрьму и держал там, пока она не съела собственные ступни. Когда я вспоминаю эту историю, кожу покалывает от гнева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.